

41
Ф. ЭНГЕЛЬС

**О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ
ХРИСТИАНСТВЕ**

ОГИЗ—ГАНЗ

1933

*Центральный совет Союза воинствующих безбожников СССР
Институт философии Коммунистической академии*

Ф. ЭНГЕЛЬС

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ХРИСТИАНСТВЕ

С предисловием А. Т. Лукачевского

**Государственное
антирелигиозное издательство
Москва — 1933**

**Материал подобрал и сверил с немецкими
текстом проф. В. К. НИКОЛЬСКИЙ**

МАРКС И ЭНГЕЛЬС О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ХРИСТИАНСТВЕ

Извратители марксизма из II Интернационала во главе с Карлом Каутским не мало потрудились, чтобы опозлить и обескровить революционное учение Маркса и Энгельса о религии и борьбе с ней. В частности Каутский приложил не мало трудов, чтобы истолковать в совершенно извращенном виде мысли Энгельса о первоначальном христианстве.

Теоретик социал-фашизма изображает первоначальное христианство как боевое, революционное движение античного пролетариата, выдвигавшее коммунистические лозунги и практически их осуществлявшее. При этом Каутский в своих работах по христианству заявляет неоднократно, что он развивает положения Энгельса, что между ним и Энгельсом нет никаких принципиальных расхождений. Ссылки на основоположника марксизма имеются и у многих других авторов, развивающих легенду о боевом, революционном характере первоначального христианства.

Подробное ознакомление со взглядами Маркса и Энгельса показывает, что утверждения эти не соответствуют действительности, что, наоборот, эти утверждения говорят только о непонимании и полном извращении Каутским и другими революционного учения марксизма о религии. Начнем с ранних высказываний Маркса и Энгельса. В 1843 г. в «Немецко-французских летописях» мы читаем у Маркса: «Человеческое чувство собственного достоинства, чувство свободы погасло в груди этих людей. Только это чувство, которое с греками оставило мир, а с христианством скрылось в небесном тумане, может снова сделать общество союзом людей для осуществления их высших целей, т. е. демократическим государством». В том же году в статье «К еврейскому вопросу» Маркс пишет в соответствии с выработанным уже взглядом на религию как на фантастическое отражение несовершенного бытия, что «образ фантазии, мечта, постулат христианства — суверенитет человека, но как существа чуждого, отличного от действительного человека».

И возьмем наконец его уничтожающую критику социальных принципов христианства в «Коммунизме Рейнского обзорева-

теля» в 1847 г. Маркс со всей резкостью подчеркивает гнусный контрреволюционный характер христианского учения. Ничего общего оно не имеет с революционностью. «Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к самому себе, самоуничтожение, подчинение, смирение», «На социальных принципах христианства лежит печать пронырливости и ханжества». Маркс вскрывает со всей беспощадностью эксплуататорскую сущность христианства, оправдывающего эксплуатацию и насилие, освящающего классовое устройство общества, отвлекающего обещаниями райских блаженств трудящиеся массы от революционной борьбы. Эта характеристика относится не только к современному христианству, она относится и к первоначальному. Маркс говорит в данном месте, что в распоряжении христианства было 1800 лет, чтобы проявить истинную свою сущность. Далее Маркс указывает, что христианство оправдывало античное рабство, как превозносило и средневековое крепостничество. Все это ясно показывает, что у Маркса идет речь о самой сущности христианского учения, о христианстве как первоначальном, так и современном.

Переходим теперь к работам Энгельса. Уже в одном из самых ранних высказываний его по первоначальному христианству в письме 1843 г. в газету «Швейцарский республиканец» мы находим характерную для всех последующих работ Энгельса установку. Он говорит о *«религиозной революции»*, которая породила христианство. Мы читаем у Энгельса: «Англия являет примечательный факт, что, чем ниже класс стоит в обществе, чем он «необразованнее» в обычном смысле слова, тем он прогрессивнее, тем большую он имеет будущность. В общем это характерно для всякой революционной эпохи, как это особенно сказалось при религиозной революции, продуктом которой было христианство: «блаженны нищие», «мудрость этого мира стала глупостью» и т. д.».

Здесь речь не идет о действительном революционном движении, хотя эпоха сама по себе была революционной в том смысле, что происходил переход от одной экономической формации к другой, с каждым десятилетием усиливался кризис, от которого труднее всего приходилось нижним классам общества — рабам, крестьянству и пролетариату, ведущему полупаразитическое существование в городах. Эти слои не могли быть довольны создавшейся обстановкой. Христианство явилось пассивной формой протеста против «несовершенства бытия». Христианство явилось, как пишет Энгельс, продуктом религиозной революции, революции в фантазии, в мечтах.

В том же году, в статье в американской газете «New Moral World», Энгельс выступает против легенды о первоначальном христианском коммунизме. Он скептически относится к этой легенде и заявляет прямо, что только по незнанию можно говорить, что христианство — это коммунизм. Наоборот, христианство, как и вся Библия, в целом враждебно коммунизму. Вот это замечательное место, чрезвычайно важное для понимания всех дальнейших работ Энгельса по первоначальному христианству:

«Одно впрочем примечательно: в то время как английские социалисты в общем враждебно настроены по отношению к христианству и вынуждены сносить все религиозные предрассудки истинно-христианского народа, французские коммунисты, принадлежащие к нации, неверие которой общеизвестно, лично являются христианами. Один из их лозунгов гласит, что христианство есть коммунизм: «Le christianisme est le communisme», и они стараются это доказать между прочим при помощи библии, ссылаясь на коммунизм, в котором якобы жили первые христиане. Все это однако показывает только, что добрые люди отнюдь не являются лучшими христианами, хотя они себя и называют таковыми, ибо в противном случае они бы лучше были знакомы с библией и знали бы, что едва несколько строк в библии могут быть истолкованы в пользу коммунизма и что весь дух ее учения ему однако совершенно враждебен, как и вообще всякому рационалистическому воззрению».

В полном соответствии с этими взглядами выступают совместно Маркс и Энгельс в 1846 г. в «Манифесте против Криге». Эта статья является характерным примером той ожесточенной, непримиримой борьбы, которую вели основоположники марксизма против христианского социализма, против всякой попытки протаскать религию и «боженьку» в рабочее революционное движение. В то же время эта статья показывает нам, какую оценку давали основоположники марксизма первоначальному христианству.

Маркс и Энгельс не отрицают того факта, что в древнем христианстве имеется проповедь любви к людям, они даже говорят, что эта проповедь «составляет *один* из источников, из которого произошли идеи социальных реформ». «Известно, что все прежнее и многие новейшие социальные стремления имели христианскую, религиозную окраску: царство любви проповедывалось как противовес скверной действительности, ненависти».

Но какая действительная цена этой проповеди любви, в силах ли она преобразовать мир? Христианская проповедь любви объективно всегда играла и играет реакционную роль, она не направляет эксплуатируемые массы на борьбу против эксплуататорского мира, а, наоборот, отвлекает их от борьбы. Вот что писали по поводу этого Маркс и Энгельс: «Эта любовь раскрывается в сентиментальных фразах, которые не могут устранить действительных, фактических отношений, она усыпляет человека той теплой сентиментальной размазней, которой она его кормит».

Они пишут далее, что «христианские мечты являются лишь фантастическим выражением существующего мира». Маркс и Энгельс клеймят выступление Криге как попытку протаскать под вывеской коммунизма все «мерзости христианства». Они подчеркивают, что проповедь Криге есть проповедь самоуничтожения и самооплевания, что эта новая религия Криге ведет к подлому рабочему унижению, как и всякая другая религия. Всю свою жизнь Маркс и Энгельс вели непримиримую борьбу против подобных попыток протаскивания «мерзостей христианства» в рабочее движение. Характерна в этом отношении статья Энгельса

«Описание возникших в новейшее время и еще существующих коммунистических колоний».

Как известно, многие из этих колоний были основаны последователями религиозных сект. На этом основании делались, да еще теперь делаются, попытки не только примирить религию и коммунизм, но даже выводить последний из религии. Энгельс резко выступает против этого. Религия не помогает строить коммуны, а мешает — вот вывод Энгельса. «Ведь, очевидно, безразлично, верят ли лица, доказывающие делом осуществимость коммунизма, в одного бога, в двадцать богов, или совсем не верят в бога. Если они придерживаются нелепой религии, то это — только препятствие на пути к жизни в коммуне, и если тем не менее последняя осуществлена в жизни, то насколько легче это должно происходить у людей, свободных от подобных бессмысленных взглядов».

Противоречат ли этой революционно-марксистской установке взгляды Энгельса на первоначальное христианство, выраженные им в его наиболее поздних работах: «К истории первоначального христианства» и в статье «Бруно Бауэр и первоначальное христианство»? Разумеется, нет. Названные работы являются дальнейшим развитием и уточнением этих взглядов, представляют собою прекраснейшие образцы применения марксистской методологии к конкретным моментам истории религии.

В «Истории первоначального христианства» Энгельс делает сопоставление первоначального христианства с рабочим движением конца XIX в. Это сопоставление многих плохо разбирающихся в марксистском учении сбilo с толку. Эти люди увидели в сопоставлении только общие черты, а различия не заметили. Между тем общие черты касаются только внешней стороны, а различие носит коренной, принципиальный характер. Мы читаем у Энгельса:

«История первых времен христианства имеет много характерных точек соприкосновения с современным рабочим движением. Как и последнее, христианство тоже вначале было движением угнетенных; оно возникло как религия рабов и вольноотпущенных, бедных и бесправных, покоренных или подавленных Римом народов. И то и другое, т. е. христианство и пролетарский социализм, проповедует предстоящее избавление от рабства и нищеты; христианство переносит это избавление в «потустороннюю» жизнь после смерти, на небо, социализм видит его в этом мире, в преобразовании общества. Оба учения терпели преследования и гонения, их последователи изгонялись, подводились под исключительные законы, одни в качестве врагов рода человеческого, другие в качестве врагов государства, религии, семьи и общественного порядка. И, несмотря на все преследования или даже прямо благодаря им, оба они победоносно, непрерывно прокладывают себе путь вперед».

Несколько ниже Энгельс еще раз четко и определенно подчеркивает, что христианство не стремилось, да и не могло, в силу исторических условий, стремиться к преобразованию социальных по-

рядков здесь, на земле. «Христианство, как это иначе и не могло быть в виду исторических условий, хотело осуществить социальное переустройство не в этом мире, а в потустороннем, на небе, в вечной жизни, после смерти, в предстоящем в недалеком будущем «тысячелетнем царстве».

Что же общего указывает Энгельс между древним христианством и рабочим движением? — То, что оба эти движения были движением угнетенных, претерпевали преследования, проповедывали грядущее избавление. Но коренное, принципиальное различие заключается в том, что именно подразумевали под «избавлением».

Энгельс дает в той же работе яркое описание экономического кризиса в эпоху возникновения христианства. Реального, действительного выхода здесь, на земле, «трудящиеся и обремененные» не видели. И Энгельс задает вопрос: «где же тогда оставался выход спасения для поработанных, угнетенных и униженных, общий для всех этих различных групп людей с чуждыми или совершенно противоположными друг другу интересами?» И он отвечает, что выход был найден: *«Но не в этом мире. При тогдашних условиях этот выход мог быть найден только в области религии»* (подчеркнуто нами).

Но это все как раз и означает, что первоначальное христианство, выраставшее на почве протеста против создавшегося положения, играло в действительности контрреволюционную роль. Оно явилось фантастическим отражением беспомощности и бессилия и, как всякая религия, оправдывало и освящало эту беспомощность, закрепляло тот строй, те производственные отношения, на основе которых выросло.

Энгельс анализирует подробнейшим образом хилиастические мечтания первых христиан, так называемое «откровение Иоанна-богослова», которое возвещало страшную месть поработителям и мучителям на том свете и этим самым отвлекало трудящиеся массы от действительной борьбы здесь, на земле.

Таково было христианство в первые десятилетия своего существования. Спустя два — два с половиной века, христиане выступали уже более агрессивно. Но это уже были не жалкие секты первых христиан, а довольно значительная «партия», как пишет Энгельс в 1895 г. в своем предисловии к работе Маркса «Классовая борьба во Франции в 1848—1850 гг.». Эта партия опиралась на многочисленных своих сторонников в императорских легионах, — как подчеркивает Энгельс, «целые легионы состояли из христиан».

Христианство имело свои общины «по всей империи от Галлии до Азии и далеко за ее пределами». Изменился и социальный состав христианской общины, в нее входят в гораздо большем числе, чем это было в первые годы, представители состоятельных кругов населения, настроенных оппозиционно к центральной власти. Это было христианство накануне превращения его в государственную религию. Вот почему Энгельс в предисловии и пишет, что 1600 лет отделяют современность от той эпохи. Когда же речь идет о возникновении христианства, и Маркс и Энгельс

всегда пишут о 1800 годах, лежащих между их временем и эпохой раннего христианства.

Мы не можем, да и нет необходимости, в настоящем предисловии останавливаться подробно на всем содержании этих двух работ Энгельса по первоначальному христианству. Отметим еще, что определение эпохи возникновения христианства как времени упадка рабского хозяйства не может считаться устаревшим или опровергнутым новейшими работами ряда буржуазных ученых, пытавшихся доказать, что христианство возникает в эпоху экономического подъема, расцвета «капитализма». В нашей антирелигиозной литературе подобные взгляды проводил В. С. Рожницын (см. его «Золотая легенда», «Происхождение христианства»), проф. П. Преображенский («Тертуллиан и Рим»). Мы уже не говорим о недопустимой модернизации античного рабского общества, когда в нем хотя и увидеть «капитализм» и даже его расцвет. Богатый фактический материал дает довольно ясную картину, как в действительности происходило разложение рабской формации, в какой агонии совершался переход ее к новым способам хозяйствования, к феодальному строю.

Основоположники марксизма неоднократно подчеркивали, что возникновение христианства произошло в эпоху краха рабского строя. В «Коммунистическом манифесте» они писали: «Когда древний мир пришел в упадок, древние религии были побеждены христианством». В рецензии на книгу Даумера «Религия нового века» в 1850 г. Маркс и Энгельс критиковали Даумера за его непонимание, что христианство явилось выражением величайшего экономического краха. Вот что говорят основоположники марксизма по поводу этого: «Эта же самая бесстыдная поверхностность дает возможность господину Даумеру совершенно игнорировать то, что христианству предшествовал окончательный крах античных «мировых порядков» и что христианство было просто выражением этого краха». Выводить христианство из эпохи экономического расцвета, из кругов знати (как это мы имеем у т. Рожницына) или торговых слоев (как это делают некоторые «марксисты», следуя за Виппером) означает не что иное, как новую концепцию происхождения христианства, концепцию, ревизирующую марксизм, и не соответствует исторической действительности. Надо сказать, что даже Каутский в своей ревизии марксизма так далеко не заходит, как некоторые наши «теоретики», попавшие в плен к Випперам, Эд. Мейерам и другим буржуазным ученым.

В целом ряде других работ Энгельс говорит не раз по тому или другому поводу относительно древнего христианства. Возьмем хотя бы для примера те места в «Крестьянской войне в Германии», где говорится о Мюнцере. На основании этих мест, а также ряда других высказываний Энгельса, некоторые пытаются сделать вывод, что Энгельс якобы действительно признавал боевой, революционный характер первоначального христианства, точь-в-точь как Каутский. Очень важно остановиться более подробно на этом, потому что Энгельс здесь не только говорит о первоначальном

христианстве, но и объясняет также, почему классовые бои в средневековьи и XVI в. разыгрывались под религиозной оболочкой. В основе религиозных войн XVI в., как подчеркивал Энгельс, лежала «борьба классов». «Если эта классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени». Религия санкционировала именем бога феодальные отношения. Богословие господствовало над всеми науками, которые были обращены в его отрасли. «Догматы церкви были одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты имели во всяком суде силу закона».

Для того, чтобы напасть на общественные порядки, надо было с них совлечь покров святости. Но этого нельзя было сделать без критики господствующей церкви, ее догматов и обрядов. Эта критика, как правило, не выходила за круг религиозных представлений. Критиковали негодную церковь во имя другой, лучшей, «настоящей». Таковой представлялась древняя христианская церковь, т. е. древнему христианству приписывалось то, что хотели видеть в современности. Есть одно замечательное место в «Крестьянской войне в Германии», где Энгельс подчеркивает именно эту мысль. Говоря о программе Мюнцера, Энгельс пишет: «Эта программа, представлявшая из себя не столько сводку требований тогдашних плебеев, сколько гениальное предвосхищение условий освобождения едва зарождавшихся тогда среди этих плебеев пролетарских элементов, — эта программа требовала немедленного установления царства божия, предсказанного пророками тысячелетнего царства, на земле, путем возврата церкви к ее первоначальному состоянию и устранения всех учреждений, находившихся в противоречии с *этой мнимо первобытной христианской, а в действительности очень новой церковью*» (подчеркнуто нами. — А. Л.). Но, разумеется, и в самом древнем христианстве было немало таких фактов, которые помогали строить соответствующие выводы. Замечательно, что там, где речь идет о движении низов, о «крестьянско-плебейской ереси», Энгельс нигде не говорит, что вожди этого движения брали в качестве образца для своей программы *факты* из истории древнего христианства. Нет, он всегда говорит, что делались выводы из *учения*, из «хилиастических мечтаний» раннего христианства. Напротив, в отношении бюргерской ереси, реформы Лютера и т. п. Энгельс прямо заявляет, что тут феодализованное христианство противопоставлялось скромному христианству первых веков, что тут выставляли требование заменить пышную и дорогую церковь средневековья более простой и дешевой ранней христианской церковью, без особого сословия монахов, а до Лютера, в ранней бюргерской «ереси» — и без священников. Но больше того, в «Крестьянской войне» Энгельс показывает, как под влиянием разворачивающейся революционной борьбы Мюнцер становится из теолога-реформатора, громившего иереев, политическим борцом в прямом смысле и как

его критика католической церкви перерастает в критику христианства и религии вообще. Энгельс повторяет несколько раз, что мюнцеровские взгляды в это время приближаются к атеизму, что Мюнцер, несмотря на то, что облакал свою философию в библейские выражения, «придавал этому библейскому покрову гораздо меньшее значение, чем многие ученики Гегеля в новейшее время». Приведем два небольших отрывка из этого замечательного места, совершенно обойденного Каутским и его компанией. «Мюнцер, идеи которого становились все смелее, определеннее и резче, решительно отмежевывается от бюргерской реформации и в то же время прямо выступает в качестве политического агитатора. Его теологическое и философское учение нападает на основные пункты не только католицизма, но и христианства вообще. Под христианскими формами он проповедует пантеизм, обнаруживающий замечательное сходство с современными спекулятивными воззрениями и местами соприкасающийся даже с атеизмом». А вот другое место: «И если религиозная философия Мюнцера приближалась к атеизму, то его политическая программа была очень близка к коммунизму, и многие современные коммунистические секты не располагали еще накануне февральской революции более богатым теоретическим багажом».

В «Предшественниках новейшего социализма» Каутский отвел немецкой реформации и Фоме Мюнцеру большую главу, но не обмолвился ни единым словом об атеистических моментах, имеющих в выступлениях Мюнцера. Марксистский подход к истории древнего христианства, к средневековому «еретическому» коммунизму, к религиозной войне XVI в. не дает никакого повода для идеализации христианства и религии, не оказывает никакой поддержки современному христианскому социализму и сектантству, спекулирующим первобытной христианской церковью. Не то мы находим у Каутского, ревизирующего марксизм. Его «Происхождение христианства», его «Предшественники новейшего социализма» могут служить и служат настольным пособием для теоретиков христианского социализма, являются сильнейшей поддержкой в деле клерикализации буржуазией рабочего движения.

Заключительную главу своего «Происхождения христианства», посвященную вопросу о христианстве и социал-демократии, Каутский начинает выпиской из предисловия Энгельса к брошюре Маркса «Классовая борьба во Франции 1848—1850 гг.». Мы уже выше говорили, что здесь у Энгельса идет речь о христианстве накануне объявления его государственной религией. Каутский же относит это все к первому веку, чтобы подтвердить свои положения о боевом, агрессивном характере первоначального христианства. Понимание Каутским первоначального христианства ничего общего не имеет с марксистским учением о религии. Как известно, Маркс и Энгельс подчеркивают всегда, что религия есть фантастическое, превращенное отражение «несовершенства бытия», бессилия и беспомощности. В таком именно смысле трактуется ими также и раннее христианство. По

Каутскому, христианство вовсе не возникает как фантастическое отражение бессильного протеста против существующего порядка. У него христианство на самом деле революционное движение. В то время как Энгельс непрестанно делает ударение на том, что первоначальное христианство переносит освобождение на тот свет, в загробное существование, т. е. играет объективно контрреволюционную эксплуататорскую роль, отвлекая трудящиеся массы от действительной борьбы, Каутский представляет все как раз наоборот. Раннее христианство, по Каутскому, — это революционная доктрина, это боевое пролетарское движение. Религия, как таковая, идеализируется. Создается легенда о двух религиях, о двух христианствах (см. также его статью «Die Sozialdemokratie und die katholische Kirche»). Одна религия — это религия духа, внутреннего убеждения, одним словом, чистая религия, религия как таковая. Другая религия — это то, что привносится в первую церковь, клиром, эксплуататорским государством. По этой схеме и происходит у Каутского развитие христианства; первоначальное христианство — революционное движение античного пролетариата, его учение — возвышенное, благородное учение. Но затем появляются клир, попы и епископы, и христианство разлагается. Мы знаем, что Маркс и Энгельс никогда так не разграничивали религию и ее аппарат, церковь. В этом разграничении упражняется не один только Каутский. Это вообще излюбленный прием социал-фашистских теоретиков. Цель этого приема ясна: выгородить религию, идеализировать ее за счет церкви и попов. Прием старый, сектантский. Хорошо обнаруживается механика подобного фокуса у Отто Бауэра в его брошюре «Социал-демократия, религия и церковь», написанной в защиту Линцской программы австрийских социал-демократов. Наряду с теорией двух религий создается легенда о двух христианствах: одного, какого-то чистого, и другого, извращенного церковью. Никогда Маркс и Энгельс так вопроса не ставили. Говоря о «мерзостях христианства», они имели в виду не только современное, но и древнее христианство. «Хилиастические мечтания», проповедь непротивления, самоотречения и самоуничтожения — все это играло объективно реакционную роль, закрепляло античное рабство, хотя носителями этих идей выступали сами рабы и античные пролетарии. Возникнув среди эксплуатируемых масс, среди слоев, находившихся на низу общественного строя, христианство с самого начала играет эксплуататорскую роль, направляется против тех, кто его выдвигал и создавал. Но ведь в этом и заключается роль религии как дурмана, глушащего классовое самосознание.

Каутский этого не понимает. Одно это уже убедительно свидетельствует, какой «марксист» Каутский, как далек он от учения Маркса и Энгельса. В той же главе, «Христианство и социал-демократия», Каутский критикует положение Энгельса о том, что первоначальное христианство было религией рабов и пролетариата. По Каутскому, религией рабов оно не было. «Едва ли христианство можно назвать религией рабов, для которых

оно ничего не сделало», пишет он. Оказывается, по Каутскому, религия может вообще что-то делать реальное для эксплуатируемых. Религия, по Каутскому, вовсе не «опиум народа», не «дух безвременья». Древнее христианство не сделало ничего полезного для рабов, но для античных пролетариев оно пыталось что-то сделать. Вот точка зрения Каутского! В полном соответствии со своим антимарксистским пониманием религии, в полном противоречии со всей установкой Энгельса Каутский заявляет: «Освобождение от нищеты, которое было возведено христианством, вначале мыслилось им очень материально, как освобождение еще в этом мире, а не на небе». По теории Каутского, христианство прodelьвает «диалектическое» развитие, превращается в свою противоположность. Надо кстати сказать, что эта «диалектика» Каутского весьма механистического свойства, тут не вскрываются внутренние противоречия, а дается картина столкновения выдуманых внешних противоположных сил. Вот этот центральный пункт в теории Каутского: «Мы видим, что христианство победило только тогда, когда оно превратилось в свою противоположность; что не пролетариат победил в христианстве, а эксплуататорский, захвативший в свои руки власть клир; что христианство победило не как разрушительная сила, а как сила консервативная, как новая опора эксплуатации и угнетения; что оно не только не уничтожило, но еще более укрепило императорскую власть, рабство, обездоленность масс и концентрацию богатства в немногих руках. *Организация* христианства, церковь, победила только потому, что она превратила свою первоначальную *цель* в ее прямую противоположность» (подчеркнуто у Каутского). Такого «диалектического» процесса Энгельс не признавал за первоначальным христианством, он представлял развитие христианства совсем не так, как оно дано у Каутского, и поэтому Энгельс ничего и не пишет о «диалектике» раннего христианства. Каутский это заметил и объясняет, видите ли, тем, что Энгельс вовсе не интересуется этим вопросом. Странно выходит: центральный пункт, гвоздь всей проблемы, а Энгельс не интересуется. Вот оно — это курьезное до убожества — заявление Каутского. «Энгельс проводит и дальше очень-очень подробно параллель между христианством и Интернационалом, но он совсем не исследует дальнейшего хода развития ни христианства, ни рабочего движения. Диалектический процесс, совершившийся в христианстве, его не интересует, а между тем, если бы он его исследовал, он мог бы найти зародыш однородного процесса и в современном рабочем движении».

Мы должны остановиться еще в нескольких словах на том, как Каутский разрабатывал вопросы крестьянской войны в Германии, и в частности восстание Фомы Мюнцера. Мы уже говорили, что Каутский ни словом не обмолвился о приближении философского учения Мюнцера к атеизму. Есть только одно, сделанное мимоходом, замечание о мистицизме, слегка окрашенном в пантеизм. Но, откуда рос этот пантеизм у Мюнцера, — Каутский не ставит такого вопроса. И в общем у Каутского дается

совершенно другая установка, чем у Энгельса, установка, которая льет воду на мельницу христианских социалистов, попов и сектантов, пытающихся клерикализировать рабочее движение.

Мюнцер всецело исходит из древнего христианства, Мюнцер опирается в своей революционной борьбе на библию — это у Каутского. Мюнцер принужден еще в силу современной ему обстановки облекать свою революционную мысль в библейские слова, но в процессе развертывающейся классовой борьбы он приходит к критике христианства, приближается все более и более к атеизму — это у Энгельса. В социал-демократической литературе Каутский, разумеется, не одинок. Рассуждения о первоначальном христианском коммунизме мы найдем и у Лютгенау, и у Штампфера, и у многих других.

К сожалению, и в работах коммунистов мы также находим нередко повторение антимарксистской теории Каутского. Так, А. В. Луначарский в 1908 г. в своей книге «Религия и социализм» по вопросу о первоначальном христианстве по существу дела повторяет Каутского. Не была изжита им эта ошибка и в «Введении в историю религий», вышедшем уже в 1923 г. Несколько лет назад выступил с рядом работ по первоначальному христианству Анри Барбюс («Иисус праведный», «Иуды Христа», — в русском переводе последняя была названа «Иисус против Христа»). Здесь мы опять находим попытку обосновать образ Иисуса как революционера-коммуниста.

Капиталистический мир, охваченный железными тисками кризиса, катящийся к своему неизбежному концу, принимает все меры, чтобы отсрочить свою гибель, чтобы внести так или иначе расстройство в ряды своего могильщика — пролетариата. Среди этих мер религия играет не последнее место.

Одних религия и церковь отвлекает от революционного движения, запугивая адом и всеми его муками. Другим предлагает даже суррогат социализма в той или другой религиозной форме, опять-таки с той целью, чтобы отвлечь рабочие массы от революционной борьбы. Легенда о коммунизме первоначального христианства используется классовыми врагами пролетариата для насаждения в его ряды христианского социализма, для клерикализации рабочего движения. Почему попам и сектантам не опролетаризировать Христа, если это выгодно капитализму. Папа римский уже в целом ряде своих посланий и обращений говорит о плотнике из Назарета. Христос-плотник. Сейчас это более полезный для буржуазного мира образ, чем Христос — «царь царей», «господь господствующих».

Каутские и Бауэры, извращая революционное учение марксизма о христианстве, льют воду на мельницу классового врага, помогают клерикализации рабочего движения. Маркс и Энгельс вели в продолжение всей своей жизни непримиримую, ожесточенную борьбу против всякой попытки протащить религию и поповщину в рабочее движение. Они зорко следили за деятельностью попов, пытавшихся под прикрытием революционной фра-

зы завоевать симпатии рабочих и тем самым закрепить влияние религии.

В 1869 г., вернувшись из Бельгии, Маркс пишет Энгельсу, что необходимо со всей энергией выступить против попов, что Интернационалу надо развернуть широкую кампанию по их разоблачению. Маркс, приводя в пример одного епископа и попов на съезде в Дюссельдорфе, прямо пишет, что «эти собаки заигрывают с рабочим вопросом там, где это им кажется подходящим».

Наш пролетарский долг внимательно изучать все то, что писали основоположники марксизма о христианстве и его происхождении. Необходимо дать сокрушительный отпор извратителям марксизма из II Интернационала и как антирелигиозном участке классовой борьбы пролетариата. Реакционным вымыслом Каутского и его компании необходимо противопоставить то, что есть действительно у Маркса и Энгельса.

А. Лукачевский

БРУНО БАУЭР И РАННЕЕ ХРИСТИАНСТВО (1882)

В Берлине 13 апреля умер человек, который прежде играл известную роль как философ и богослов, а потом, в течение многих лет, оставался полузабытым, лишь время от времени привлекаемая к себе внимание публики в качестве «литературного оригинала». Официальные богословы, в том числе и Ренан, списывали у него и поэтому единодушно его замалчивали. Между тем он стоил больше, чем все они, вместе взятые, и сделал больше их всех по вопросу, который интересует и нас, социалистов: вопросу об историческом происхождении христианства.

По случаю его смерти коснемся кратко современного состояния этого вопроса и того, что сделано Бауэром для его разрешения.

Взгляд на все религии, а вместе с тем и на христианство, как на изобретение обманщиков — взгляд, господствовавший со времени средневековых вольнодумцев вплоть до просветителей XVIII в. включительно, — перестал уже удовлетворять с тех пор, как Гегель поставил перед философией задачу доказать рациональное развитие всемирной истории.

Вполне понятно, что если естественно выросшие религии, как поклонение фетишам у негров или первобытная религия арийцев, возникли без какого бы то ни было участия обмана, то в дальнейшем их развитии очень скоро поповский обман становится неизбежным. Искусственные же религии, наряду со всей их искренней восторженностью, не могут даже и при своем основании обойтись без обмана и искажения исторических фактов, и христианство с самого же начала дало очень недурные образцы этого рода, как показал Бауэр в своей критике нового завета; однако это устанавливает лишь общее явление, но не объясняет конкретного случая, о котором здесь как-раз идет речь.

С религией, которая покорила себе Римскую мировую империю и в течение 1 800 лет господствовала над значительнейшей частью цивилизованного человечества, нельзя разделаться просто, объявивши ее состряпанной обманщиками бессмыслицей. Чтобы ее понять, необходимо суметь объяснить ее проис-

хождение и ее развитие из тех исторических условий, при которых она возникла и достигла господства. В случае с христианством надо решить вопрос, каким образом народные массы Римской империи предпочли всем другим религиям эту бессмыслицу, проповедуемую к тому же рабам и угнетенным, так что наконец честолюбивый Константин увидал, что принять эту бессмысленную религию есть лучшее средство для того, чтобы возвыситься до положения самодержца римского мира.

Ответу на этот вопрос Бруно Бауэр содействовал более, чем кто-либо другой. Установленную Вильке чисто лингвистическим путем хронологическую последовательность и взаимную зависимость евангелий он неопровержимо доказал, исходя также из их содержания, как упрямо ни противились этому полуверующие богословы периода реакции после 1849 г. Он разоблачил всю ненаучность штраусовской расплывчатой теории мифов, пользуясь которой каждый может в евангельских рассказах счесть историческим все то, что ему вздумается. И если при этом из всего содержания евангелий не оказалось почти абсолютно ничего исторически доказуемого,—так что даже самое историческое существование Иисуса Христа можно объявить сомнительным,—то этим Бауэр впервые расчистил почву, на которой возможно разрешение вопроса: откуда происходят представления и идеи, сложившиеся в христианстве в своего рода систему, и каким образом они достигли мирового господства?

Бауэр занимался этим до конца своей жизни. Его исследования привели его к тому результату, что александрийский еврей Филон, который уже глубоким стариком еще жил в 40 гг. нашего летосчисления, был, собственно говоря, отцом христианства, а римский стоик Сенека, так сказать, его дядей. Многочисленные дошедшие до нас сочинения, приписываемые Филону, возникли фактически из слияния аллегорически и рационалистически понятых еврейских преданий с греческой, именно стоической, философией. Это соединение западных и восточных воззрений содержит уже по существу все христианские представления: прирожденную греховность человека, логос — слово, которое у бога и само есть бог, которое делается посредником между богом и человеком, — покаяние не путем кровавых жертвоприношений, а путем принесения своего собственного сердца богу; наконец и ту существенную черту, что новая философия религии переворачивает весь прежний порядок вещей, своих учеников ищет среди бедных, страдальцев, рабов и отверженных, а богатых, могущественных, привилегированных презирает, и что тем самым предписывается презрение ко всем мирским наслаждениям и умерщвление плоти.

С другой стороны, уже Август позаботился о том, чтобы не только богочеловек, но и так называемое непорочное зачатие сделались предписанными государством формулами. Он не только требовал оказания Цезарю и себе самому божеских почестей, но дал распоряжение распространять также всюду, что он Август Цезарь, «Divus» (божественный), не является сыном

своего отца — человека, а зачат матерью от бога Аполлона. Только не был ли этот бог Аполлон в родстве с тем, которого воспел Гейне?

Как мы видим, нехватает только последнего камня в своде, и все христианство в его основных чертах уже готово, — нехватает воплощения ставшего человеком логоса в определенной личности и его искупительной жертвы на кресте во спасение грешного человечества.

Каким образом вложен был исторически этот последний камень в стойко-филоновские теории, об этом у нас нет действительно достоверных источников. Но несомненно одно — что вложен он был не философами, учениками Филона или стоиков. Религии создаются людьми, которые сами ощущают религиозную потребность и понимают религиозные потребности масс, а этого как-раз у школьных философов обыкновенно и не бывает. Напротив, во времена всеобщего разложения, как например и в наше время, повсюду встречается широкое распространение философии и религиозной догматики в опошленной, вульгаризованной форме. Если классическая греческая философия в последних своих формах, особенно в эпикурейской школе, приводила к атеистическому материализму, то греческая вульгарная философия вела к учению об едином боге и бессмертной человеческой душе. Точно так же и рационалистически вульгаризованное еврейство, благодаря также общению с чужаками и полужидеями, дошло до пренебрежения ритуальными обрядами, до превращения прежнего, исключительно еврейского национального бога Ягве¹ в единственно истинного бога, творца неба и земли, и до признания первоначально чуждого еврейству бессмертия души. Таким образом монотеистическая вульгарная философия встретила с вульгарной религией, которая дала ей единого бога в совершенно готовом виде. И таким образом подготовлена была почва, на которой у евреев переработка точно так же вульгаризованных филоновских представлений могла создать христианство, и оно, таким образом созданное, могло быть воспринято греками и римлянами. Что христианство произошло именно из популяризованных филоновских представлений, а не непосредственно из произведений самого Филона, доказывается тем, что новый завет почти совершенно пренебрегает важнейшей частью этих произведений, а именно аллегорическо-философским истолкованием ветхозаветных рассказов. На эту сторону вопроса Бьюэр не обратил достаточного внимания.

О том, какой вид имело христианство в своем первоначальном виде, можно составить себе представление при чтении так называемого «Откровения Иоанна». Дикий, сумбурный фанатизм, догмы лишь в зародыше, а из так называемой христианской морали — только умерщвление плоти, и наоборот — мно-

¹ Как доказал уже Эвальд, в пунктированных (слабейших гласными и знаками чтения рукописях евреи ставили под согласными имена Ягве, произносить которое было запрещено, гласные читались вместо его имени слова Адонай. Это читалось впоследствии как Иегова. Таким образом, слово Иегова — не имя бога, а просто грубая грамматическая ошибка; в еврейском языке оно просто невозможно.

жество видений и пророчеств. Образование догм и морали — это было делом уже позднейшего времени, когда были написаны евангелия и так называемые апостольские послания. Тут-то и была бесцеремонно использована — по крайней мере для морали — стоическая философия, в особенности Сенека. Бауэр доказал, что послания списаны у Сенеки почти дословно. На самом деле, это бросалось в глаза даже и православным христианам, но они утверждали, что, наоборот, Сенека списал с нового завета, который тогда еще не был написан. Догматика развивалась, с одной стороны, в связи с складывавшейся евангельской легендой об Иисусе, с другой стороны — в борьбе между христианами из евреев и христианами из язычников.

Относительно причин, которые помогли христианству одержать победу и достичь мирового господства, у Бауэра есть тоже очень ценные данные. Но здесь препятствием ему служит идеализм немецкого философа, он мешает ему видеть ясно и формулировать четко. Фраза заменяет у него часто в решающем месте существо дела. Поэтому, не вдаваясь в подробности воззрений Бауэра, мы лучше изложим здесь наше собственное понимание этого вопроса, основанное не только на работах Бауэра, но и на самостоятельном изучении.

Римское завоевание во всех покоренных странах прежде всего прямо разрушило прежний политический порядок, а за тем, косвенным образом, и старые общественные условия жизни. Во-первых, тем, что вместо прежнего сословного деления (за исключением рабства) оно создало простое различие между римскими гражданами, с одной стороны, и не-гражданами, или подданными государства, — с другой. Во-вторых, и главным образом, — поборами от имени Римского государства. Если при империи в интересах государства старались по возможности положить предел неистовой страсти наместников провинций к обогащению, то вместо них появились все сильнее действующие и все ту же завинчиваемые тиски налога в пользу государственной казны — высасывание средств, которое действовало страшно разрушительно. Наконец, в-третьих, римские судьи выносили свои решения повсюду на основании римского права, местные общественные порядки объявлялись не имеющими силу, если они не совпадали с римским правопорядком. Эти три рычага должны были действовать с огромной силой, сводя все к одному уровню, особенно если они в течение приблизительно двух веков это применяли к народностям, наиболее сильная часть которых уже была уведена в рабство и уничтожена в битвах, предшествовавших завоеванию, сопровождавших его или, еще очень часто, следовавших за ним. Общественные отношения провинций все больше и больше приближались к общественным отношениям столицы и Италии. Население все больше и больше разделялось на три класса, составленные из самых разнообразных элементов и национальностей: богачи, среди которых было немало вольноотпущенных рабов (см. Петрония), крупные землевладельцы, ростовщики или и то и другое вместе, вроде дяди христианст-

ва Сенеки; неимущие свободные, — в Риме их кормило и увеселяло государство, в провинциях им предоставлялось самим заботиться о себе, наконец огромная масса рабов. По отношению к государству, т. е. к императору, оба первых класса были почти так же бесправны, как и рабы по отношению к своим господам. Особенно в период от Тиберия до Нерона обычным явлением стало, что богатых римлян приговаривали к смерти для того, чтобы захватить их состояние. *Материально* опорой правительства было войско, гораздо более похожее на армию ландскнехтов, — чем на староримское крестьянское войско, а опорой *моральной* — всеобщее убеждение, что из данного положения нет выхода, что если не тот или другой император, то основанная на военном господстве императорская власть является неотвратимой необходимостью. На каких чисто материальных фактах основывалось это убеждение, об этом здесь не место распространяться.

Всеобщему бесправию и утере надежды на возможность лучших порядков соответствовала всеобщая апатия и деморализация. Немногие оставшиеся еще в живых староримляне патрицианской складки и патрицианского образа мыслей были устранены или вымерли; последним из них был Тацит. Остальные были рады, если могли держаться совершенно в стороне от общественной жизни. Их существование заполнялось наживой, наслаждением, богатством, частными сплетнями, частными интригами. Неимущие свободные, в Риме — пенсионеры государства, в провинциях, наоборот, находились в очень тяжелом положении. Они должны были работать, конкурируя при этом с рабским трудом. Но они были только в городах. Наряду с ними в провинциях были еще крестьяне — свободные землевладельцы (местами даже еще с общинным владением) или, как в Галлии, в кабале у крупных землевладельцев. Этот класс всего меньше был затронут общественным переворотом: он религиозному перевороту сопротивлялся всего дольше¹. Наконец — рабы, бесправные и безвольные, которые не могли освободиться, как это уже показало поражение Спартака; при этом большинство их были некогда свободными или сыновьями свободнорожденных. Среди них должна была еще сохраняться по большей части живая, хотя по отношению к внешнему миру и бессильная, ненависть против условий их жизни.

Мы увидим, что всему этому соответствовал и характер идеологов того времени. Философы были или просто зарабатывающими деньги школьными учителями, или же шутами на жалованьи у богатых кутил. Некоторые были даже рабами. Что из них получалось, когда дела их шли хорошо, образцом служит господин Сенека. Этот стойкий, проповедующий добродетель и воздержание, был первым интриганом при дворе Нерона, при этом дело не обходилось без пресмыкательства; он от него до-

¹ По Фальмерейеру еще в IX в. в Майне (на Пелопоннесе) крестьяне приносили жертвы Зевсу.

бывался подарков деньгами, именьями, садами, дворцами; проповедуя бедность евангельского Лазаря, он в действительности был богачом из этой притчи. Только когда Нерон собрался схватить его за глотку, он попросил императора взять у него обратно все подарки, так как с него достаточно его философии. Только редкие из философов, как Персий, поражали по крайней мере бичом сатиры своих выродившихся современников. Что же касается другого сорта идеологов — юристов, то они были в восторге от новых порядков, потому что уничтожение всех сословных различий позволяло им всячески разрабатывать свое любимое частное право, но зато они составили для императоров самое гнусное государственное право, какое когда-либо существовало.

Вместе с политическими и социальными особенностями народов Римская империя обрекла на гибель и их особые религии. Все религии древности были естественно выросшими племенными, а позднее национальными религиями, которые возникли из общественных и политических условий каждого народа и тесно срослись с ними. Раз была разрушена эта их основа, сломаны переданные по наследству общественные формы, унаследованные политические учреждения и национальная независимость, то, разумеется, рушилась и связанная с ними религия. Национальные боги могли терпеть других национальных богов рядом с собой, — и это было в древности общим правилом, — но не над собой. Пересадка восточных религиозных культов в Рим только повредила римской религии, но задержать упадок восточных религий она не могла. Как только национальные божества не могут уже более защищать независимость и самостоятельность своих наций, они и сами гибнут. Так случалось везде (за исключением крестьян, особенно в горах). То, что в Риме и Греции сделало вульгарно-философское просвещение, я чуть было не сказал вольтерьянство, то в провинциях совершили римское завоевание и замена гордых своей свободой граждан приходящими в отчаяние подданными и себялюбивыми мерзавцами.

Таково было материальное и моральное положение. Настоящее невыносимо; будущее, пожалуй, еще более грозно. Никакого выхода. Отчаяние и бегство в самое пошлое чувственное наслаждение, — по крайней мере со стороны тех, которые могли себе это позволить, — но таких было ничтожное меньшинство. Для остальных не оставалось ничего кроме тупой покорности перед неизбежным.

Но во всех классах должно было быть известное количество лиц, которые, отчаявшись в материальном освобождении, искали взамен него духовного освобождения, утешения в сознании, которое спасало их от полного отчаяния. Этого утешения не могла дать ни стоическая философия, ни школа Эпикура, — во-первых, потому, что это были философские системы, следовательно были рассчитаны не на обычное сознание, а во-вторых, потому, что образ жизни их приверженцев вызывал недове-

рие к учению этих школ. Для того, чтобы дать утешение, нужно было заменить не утраченную философию, а утраченную религию. Утешение должно было выступать именно в религиозной форме, как и все то, что должно было захватывать массы, — так это было в ту эпоху и так продолжалось вплоть до XVII в.

Едва ли надо отмечать, что среди этих людей, страстно тосковавших по такому идеальному утешению, страстно желавших бежать от этого внешнего мира в мир внутренний, большинство должно было быть из рабов.

Во время этого-то всеобщего экономического, политического, умственного и морального разложения и выступило христианство. Оно решительно выступило против всех существовавших до сих пор религий.

Во всех религиях, существовавших до того времени, главным была обрядность. Только своим участием в жертвоприношениях и процессиях, а на Востоке еще соблюдением подробнейших предписаний относительно приема пищи и омовений, можно было доказать свою принадлежность к известной религии. В то время как Рим и Греция в этом отношении были терпимы, на Востоке свирепствовала религиозная система запретов, которая немало способствовала упадку, наступившему в конце-концов. Люди двух разных религий (египтяне, персы, евреи, халдеи и т. д.) не могут вместе ни пить, ни есть, не могут сделать вместе самого обыденного дела, едва могут разговаривать друг с другом. Это отделение людей друг от друга было одной из основных причин гибели древнего Востока. Христианство не знало никаких вносящих разделение обрядов, не знало даже жертвоприношений и процессий классической древности. Отрицая все национальные религии и общую им всем обрядность, обращаясь ко всем народам без различий, христианство становится *первой возможной мировой религией*. Еврейство со своим новым вселенским богом тоже сделало попытку стать мировой религией. Но дети Израиля все же оставались все время аристократией среди верующих и обрезанных, и даже христианство, прежде чем оно смогло стать настоящей мировой религией, должно было сперва освободиться от представления, которое еще господствует в так называемом «Откровении Иоанна», о преимуществах христиан из евреев над христианами из язычников. С другой стороны, ислам, сохранив свою специфически восточную обрядность, тем самым ограничил область своего распространения Востоком и Северной Африкой, завоеванной арабскими бедуинами и наново заселенной ими. Здесь он мог стать господствующей религией, на западе же не мог.

Во-вторых, христианство заставило зазвучать струну, которая должна была найти отклик в бесчисленных сердцах. На все жалобы по поводу тяжелого времени и всеобщей моральной и материальной нищеты христианское сознание греховности отвечало: да, это так, и иначе не может быть; в испорченности мира виноват ты сам, виноваты вы все, твоя и ваша собственная внутренняя испорченность. А где же нашелся бы человек,

который мог бы что-нибудь на это возразить? Mea culpa. Ни один человек не мог отказаться от признания части и своей вины в общем несчастье, и признание это стало предпосылкой духовного спасения, которое в это время было провозглашено христианством. И это духовное спасение было построено таким образом, что его легко мог понять член любой старой религиозной общины. Всем этим старым религиям было свойственно представление об искупительной жертве, с помощью которой можно примирить оскорбленное божество. Разве это была не благоприятная почва для усвоения идеи посредника, который добровольно приносит себя в жертву, чтобы раз-навсегда искупить все грехи человечества? Таким образом христианство дало ясное выражение общераспространенному чувству, что во всеобщей испорченности виновны все люди, выразив это чувство в сознании греховности каждого отдельного человека и в то же время в смерти своего основателя, давши общедоступную форму всеобщему страстному стремлению к внутреннему спасению от испорченного мира, давши утешение в сознании. Таким образом христианство доказало свою способность стать мировой религией — к тому же религией, как-раз подходящей к данному обществу.

И вышло так, что среди тысяч пророков и проповедников в пустыне, которые в то время создавали бесчисленное количество своих религиозных новшеств, успех имели только основатели христианства. Не только Палестина, но весь Восток кишмя кишел такими основателями религий, среди которых господствовала, можно сказать, прямо дарвиновская борьба за идеальное существование. Христианство победило благодаря, главным образом, изложенным выше моментам. А как оно постепенно вырабатывало дальше свой характер мировой религии в борьбе сект между собой и с языческим миром при помощи естественного отбора, этому учит в подробностях история церкви первых трех столетий.

К ИСТОРИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ХРИСТИАНСТВА (1895)

1

История первоначального христианства имеет примечательные точки соприкосновения с современным рабочим движением. Как и последнее, христианство вначале было движением угнетенных: оно возникло как религия рабов и вольноотпущенных бесправных и бедняков, поработенных или рассеянных Римом народов. Как христианство, так и рабочий социализм проповедует грядущее избавление от рабства и нищеты: христианство переносит это избавление в потустороннюю жизнь после смерти, на небо, социализм видит его в этом мире, в переустройстве общества. Оба терпят преследования и гонения, их последователи ссылаются, подводятся под исключительные законы, одни в качестве врагов рода человеческого, другие в качестве врагов государства, врагов религии, семьи и общественного порядка. И наперекор всем преследованиям, даже черпая в них силу, оба победоносно, неудержимо прокладывают себе путь вперед. Через 300 лет после своего возникновения христианство признано государственной религией Римской мировой империи, и менее чем в 60 лет социализм завоевал себе положение, которое безусловно обеспечивает ему победу.

Следовательно, если профессор Антон Менгер в своем «Праве на полный продукт труда» удивляется, почему — при колоссальной централизации землевладения во времена римских императоров и при безграничных страданиях тогдашнего почти исключительно из рабов состоявшего рабочего класса — «после падения Западно-римской империи не наступил социализм», то он не замечает как-раз того, что этот «социализм», поскольку он тогда был возможен, существовал в действительности и добился господства в лице христианства. Только христианство это, как это и не могло быть иначе ввиду исторических предпосылок, хотело осуществить социальное переустройство не в этом мире, а в «потустороннем», на небе, в вечной жизни после смерти, в предстоящем в недалеком будущем «тысячелетнем царстве».

Параллель между этими обоими историческими явлениями напрашивается уже в средние века, при первых восстаниях угнетенных крестьян и в особенности городских плебеев. Эти

восстания, как и все массовые движения средних веков, неизбежно носили религиозную личину, являлись попытками восстановить первоначальное христианство в эпоху все усиливающегося разложения¹, но каждый раз за религиозной экзальтацией скрывались очень осязательные мирские интересы. Лучшее всего это обнаружилось в организации божемских таборитов под начальством достославной памяти Яна Жижки; но эта черта проходит через все средневековье пока, после германской крестьянской войны, она постепенно не замирает, чтобы опять пробудиться у рабочих-коммунистов после 1830 г. Как французские революционные коммунисты, так и, в особенности, Вейтлинг и его последователи ссылаются на христианство первых веков задолго до того, как Эрнест Ренан сказал: «Если вы хотите получить представление о первых христианских общинах, то присмотритесь к местной секции Международного товарищества рабочих».

Французский беллетрист, который с помощью беспримерного даже в современной журналистике использования немецкой библейской критики написал церковно-исторический роман «Происхождение христианства», сам не знал, сколько правды заключалось в вышеупомянутых его словах. Хотел бы я видеть старого члена Интернационала, у которого при чтении например так называемого второго послания Павла коринфянам в одном по крайней мере отношении не вскрылись бы старые раны. Через все послание, начиная с восьмой главы, звучит вечная и — увы — так хорошо знакомая жалоба: «Les cotisations ne rentrent pas» — взносы не поступают! Сколько энергичнейших пропагандистов 60-х годов пожали бы многозначительно руку автору этого послания, кто бы он ни был, со словами: «Так с тобой бывало то же?» Мы также можем кое-что рассказать об этом — наша ассоциация также кишела коринфянами. Эти не поступающие взносы, которые недосыгаемо порхали вокруг нас, бросавших на них взоры Тантала, — это и были знаменитые «миллионы Интернационала».

Одним из наших лучших источников о первых христианах

¹ Характерную противоположность этому составляют религиозные восстания магометанского мира, особенно в Африке. Ислам, это — религия для восточных людей, специально для арабов, религия, следовательно, с одной стороны, для горожан, занимающихся торговлей и промыслами, а с другой — для кочующих бедуинов. В этом лежат однако зародыш герриодически повторяющейся коллизии. Горожане начинают богатеть, предаваться роскоши, проявлять шаткость в соблюдении «закона». Бедуины — бедные и вследствие бедности, строго нравственные — с завистью и алчностью смотрят на эти богатства и наслаждения. Тогда они объединяются под предводительством какогонибудь пророка, махди, чтобы наказать отступников, восстановить уважение к обрядовому закону и правой вере и в качестве возмездия, забрать богатства отступников. Через сотню лет они, естественно, оказываются в таком же положении, в каком находились те отступники; необходимо новое очищение веры, появляется новый махди, — игра начинается снова. Так происходило со времени завоевательных походов африканских Альморавидов и Альмегадов в Испанию до последнего махди из Хартума, так успешно сопротивлявшегося англичанам. Точно так же или похоже обстоит дело с восстаниями в Персии и в других магометанских странах. Все это — религиозно переживающие движения, вытекающие из экономических причин; но даже в случае победы они оставляют нетронутыми старые экономические условия. Все остается по старому, и коллизия становится периодической. Напротив, в народных восстаниях христианского Запада религиозная переживка служила только значащим и маской для нападения на устаревший экономический порядок; последний в конце концов рушится, его сменяет новый, мир идет вперед.

является Лукиан из Самосаты, Вольтер классической древности, который одинаково скептически относился ко всякого рода религиозным суевериям и поэтому не имел ни языческо-религиозных, ни политических оснований трактовать христианство иначе, чем какой бы то ни было другой религиозный союз. Напротив, над всеми ними он смеется из-за их суеверий: над поклонниками Юпитера не меньше, чем над поклонниками Христа; с его плоско-рационалистической точки зрения один вид суеверия столь же нелеп, как и другой. Этот во всяком случае беспристрастный свидетель рассказывает между прочим историю жизни одного искателя приключений Перегрин, называвшего себя Протеем, родом из Парии на Геллеспонте. Этот Перегрин дебютировал в своей молодости в Армении прелюбодеянием, был пойман с поличным и по обычаю страны был предан линчеванию. Счастливым спасшимся бегством, он задушил в Парии своего отца и принужден был скрыться. «И тут случилось, — цитирую по переводу Шотта, — что он познал диковинную премудрость христиан, войдя в близкие сношения с их священниками и учеными в Палестине. В короткое время он достиг того, что его учителя стали казаться в сравнении с ним детьми. Он стал пророком, старейшиной общин, начальником синагоги, одним словом — всем. Он толковал их сочинения и сам написал большое их количество, так что наконец стали считать его высшим существом, заставляли издавать для них законы и назначили своим главой (епископом). По этой причине (т. е. как христианин) Протей однажды был схвачен властями и брошен в тюрьму... Во время его заключения христиане, считавшие его арест большим несчастьем, делали всевозможные попытки освободить его. Но это не удавалось, и тогда они стали с необыкновенной заботливостью ухаживать за ним: с наступлением дня старухи, вдовы и молодые сироты уже стояли перед воротами его тюрьмы; более влиятельные христиане подкупали даже тюремную стражу и проводили с ним целые ночи; они приносили туда свою еду, читали у него свои священные книги. — словом, возлюбленный Перегрин (он тогда еще так назывался) был для них вторым Сократом. Даже из некоторых малоазиатских городов являлись к нему представители от христианских общин, чтобы протянуть ему руку помощи, утешить его и быть его защитниками на суде. Прямо невероятно, как эти люди всегда оказываются тут-как-тут, лишь только дело касается их общины; они не боятся тогда ни трудов, ни издержек. Таким образом Перегрин получал деньги со всех сторон, и его заключение было для него источником богатых доходов. Бедняги дали себя убедить в том, что их души и тело бессмертны и они будут жить вечно, и поэтому они презирают смерть, и многие из них даже добровольно жертвуют собой. Кроме этого их главный законодатель внушил им мысль, что они будут все братьями, если перейдут в его веру, т. е. откажутся от греческих богов, поклонятся распятому софисту и будут жить согласно его предписаниям. Поэтому они презирают все без различия внешние блага и владеют ими сообща — учение, принятое ими на веру,

без доказательства и критики. И вот, если приходит к ним ловкий мошенник, который умеет хитро пользоваться обстоятельствами, то вскоре он может стать богатым человеком и смеяться в бороду над простофилями. Впрочем Перегрин был вскоре отпущен на свободу тогдашним префектом Сирии». После некоторых дальнейших его приключений рассказывается следующее: «И вот наш герой вторично (из Парии) начал бродяжить по стране, где он вместо всяких путевых денег довольствовался радушием христиан, которые везде служили ему защитой и во всем его ублажали. В продолжение некоторого времени он кормился таким образом. Но, когда он нарушил христианские законы, — заметили, насколько я знаю, что он ел что-то для них запрещенное, — христиане исключили его из своей общины».

Какие воспоминания юности встают передо мной при чтении этого отрывка из Лукиана! Вот прежде всего «пророк Альбрехт», который приблизительно с 1840 г. сделал в буквальном смысле слова ненадежными на несколько лет Вейтлинговские коммунистические общины Швейцарии, — большой, сильный мужчина с длинной бородой, который пешком исходил всю Швейцарию в поисках слушателей для своего таинственного нового евангелия спасения мира, но во всем остальном был повидимому довольно безобидным и путаным человеком и вскоре умер. Вот его менее безобидный последователь «доктор» Георг Кульман из Голштинии, который воспользовался заключением Вейтлинга, чтобы склонить общины французской Швейцарии к *своему* евангелию, и некоторое время с таким успехом, что переманил даже самого даровитого, хотя и самого непутевого из них, Августа Беккера. Этот Кульман читал им лекции, изданные в 1845 г. в Женеве под названием «Новый мир, или царство духа на земле. Возвещение» В предисловии, составленном его последователями (вероятно Августом Беккером), говорится: «Не было до сих пор человека, который бы выразил все наши страдания, все наши стремления и надежды, одним словом — все, что волнует нашу эпоху до глубины души... Этот человек, которого ждет наша эпоха, появился. Это — доктор Кульман из Голштинии, он выступил с учением о новом мире, или о царстве духа в действительности».

Мне не нужно конечно прибавлять, что это учение о новом мире является не чем иным, как самым обыкновенным чувствительным вздором, облеченным в полубиблейские выражения в стиле Ламеннэ и изложенным с пророческим высокомерием. Это конечно не помешало добрым вейтлингианцам носить на руках этого мошенника, подобно тому как азиатские христиане делали это с Перегрином. Они, бывшие крайними последователями архидемократизма и равенства до такой степени, что питали неискоренимую ненависть ко всякому школьному учителю, журналисту, вообще — не ремесленнику, как к «ученым», которые хотят их эксплуатировать, поддались мелодраматической риторике Кульмана и уверовали, что в «новом мире» самый мудрый — г. е. Кульман — будет регулировать распределение наслажде-

ний, и поэтому уже теперь, в старом мире ученики его должны этому мудрейшему доставлять удовольствия полными пригоршнями, сами же довольствоваться крохами. И Перегрин-Кульман жил в продолжение некоторого времени прекрасно, наслаждаясь за счет общины, — пока все шло гладко. Правда, гладко шло не очень долго: растущий ропот сомневающих и неверующих, преследование со стороны правительства кантона Ваадта положили конец «царству духа» в Лозанне, и Кульман исчез.

Всякому, кто по опыту знаком с начальной эпохой европейского рабочего движения, вспомнятся дюжины подобных примеров. В настоящее время такие крайности невозможны, по крайней мере в более крупных центрах, но в отдаленных местностях, где движение только завоевывает себе почву, Перегрины в миниатюре еще могут рассчитывать на временный, ограниченный успех. И, как во всех странах к рабочей партии примыкают все элементы, которым нечего ожидать от официального мира или которые ничего от него не получили, — противники оспопрививания, поборники воздержания, вегетарианцы, антививисекционисты, гомеопаты, проповедники свободных общин, общины которых разложились, составители новых теорий происхождения мира, неудачливые или непризнанные изобретатели, пострадавшие от действительных или мнимых несправедливостей, прозванные бюрократией «сутяжниками», честные глупцы и бесчестные обманщики, — так и к первым христианам примыкали такие же элементы. Все те элементы, которые высвободил, т. е. сделал лишними, процесс разложения старого мира, стремились один за другим в сферу притяжения христианства, как единственного элемента, который противостоял этому процессу разложения, так как оно было его собственным неизбежным продуктом — и поэтому удержалось и росло, тогда как другие элементы были лишь переходящим явлением. Не было такой фантастической мечты, глупости или прожектерства, которые не проникли бы в молодые христианские общины или по крайней мере не нашли бы в некоторых местах и на некоторое время внимательные уши и усердных верующих. Как и наши первые коммунистические рабочие общины, так и первые христиане отличались беспримерным легковерием по отношению ко всему, что соответствовало их взглядам, так что мы не уверены, не попал ли в наш новый завет тот или другой отрывок из «большого количества сочинений», написанных Перегрином для христиан.

2

Немецкая критика библии — единственная научная основа нашего знания истории первоначального христианства — имела два направления.

Одно направление — тюбингенская школа, к которой в более широком смысле можно причислить и Д. Ф. Штрауса. В критическом исследовании она идет настолько далеко, насколько это вообще возможно для богословской школы. Она признает, что четыре евангелия являются не рассказами очевидцев, а

позднейшими переработками утерянных сочинений и что из посланий, приписываемых апостолу Павлу, ему действительно принадлежит только четыре и т. д. Она вычеркивает из исторического рассказа все чудеса и противоречия, как недопустимые. Но из остального она пытается «спасти все, что еще можно спасти», и в этом проявляется ее характер как богословской школы. Этим она сделала возможным то, что Ренан, по большей части опираясь на эту школу и применяя тот же метод, «спасает» гораздо больше и хочет навязать нам в качестве исторически достоверного материала, кроме многих более чем сомнительных рассказов нового завета, еще множество других легенд о мучениках. Однако все то, что тубингенская школа выбрасывает из нового завета, как неисторическое или подложное, можно во всяком случае считать для науки устраненным.

Другое направление представлено только одним человеком — Бруно Бауэром. Его крупнейшая заслуга основана не только на беспощадной критике евангелий и посланий апостолов, но и на том, что он первый серьезно занялся исследованием не только еврейских и греко-александрийских, но также и чисто греческих и греко-римских элементов, которые проложили для христианства дорогу к превращению его в мировую религию. Легенда о христианстве, сразу и в готовом виде возникшем из еврейства и из Палестины, победившем мир своей установленной в основных чертах догматикой и этикой, — эта легенда стала со времени Бауэра невозможной и может прозябать только на богословских факультетах или же среди людей, которые хотят «сохранить религию народу», хотя бы за счет науки. Огромное участие александрийской филоновской школы и греко-римской мирской философии — платоновской и в особенности стоической — в создании христианства, которое при Константине стало государственной религией, далеко еще не изучено в частности, но участие это доказано, и это заслуга преимущественно Бруно Бауэра. Он заложил краеугольный камень в аргументацию, что христианство не было импортировано в греко-римский мир извне, из Иудеи, и навязано ему, но что оно — по крайней мере в форме мировой религии — является плотью от плоти этого мира. Естественно, что Бауэр, как и все те, кто борется с закоренелыми предрассудками, в этой работе хватил через край. Чтобы установить на основании также и литературных документов влияние Филона и особенно Сенеки на возникающее христианство и представить новозаветных писателей как настоящих плагиаторов этих философов, он вынужден был отодвинуть почти на полстолетия позже возникновение новой религии, отбросить противоречащие ему сообщения римских историков и вообще позволить себе большие вольности с историческим изложением. Согласно ему, христианство как таковое возникает только при Флавиях, а новозаветная литература — только при Адриане, Антонине и Марке Аврелии. Вследствие этого у Бауэра исчезает всякая историческая почва для новозаветных рассказов об Иисусе и его учениках; эти рассказы превращаются в сказки, в которых вну-

тренние фазы развития и духовной борьбы первых общин переносятся на более или менее вымышленные личности. По Бауэру, не Галилея и Иерусалим, а Александрия и Рим являются местами зарождения новой религии.

Если, таким образом, тюрингенская школа в нетронутым ею остатке новозаветной истории и литературы предлагает нам крайний максимум того, с чем наука может примириться как с чем-то до сих пор спорным, то Бауэр предлагает нам максимум того, что в этом остатке она может еще оспаривать. Между этими границами лежит действительная истина. Достижима ли она сегодняшними средствами, весьма сомнительно. Новые находки в Риме, на Востоке и прежде всего в Египте будут содействовать этому гораздо больше, чем любая критика.

Но вот в новом завете имеется одна единственная книга, время написания которой может быть установлено с точностью до нескольких месяцев, которая должна была быть написанной между июнем 67 г. и январем или апрелем 68 г., так что она относится к самым первым временам христианства и отражает нам его представления с наивнейшей верностью и соответствующим этой наивности языком, вследствие чего, по моему мнению, она гораздо важнее для установления того, чем было в действительности первоначальное христианство, чем весь остальной, в своем теперешнем изложении гораздо более поздний, новый завет. Книга эта — так называемое «Откровение Иоанна», и ввиду того, что книга эта, казавшаяся самой темной из всей библии, теперь благодаря немецкой критике стала самой ясной и понятной, я хочу рассказать о ней моим читателям.

Стоит только немного познакомиться с этой книгой, чтобы убедиться, как экзальтирован не только ее автор, но и «окружающая среда», в которой он жил. Наше «Откровение» — не единственное в своем роде и в свое время: начиная с 164 г. до нашего летосчисления, когда было написано первое произведение такого рода, так называемая книга Даниила, и почти до 250 г. нашего летосчисления — приблизительной даты Коммодиановой песни, Ренан насчитывает не менее 15 дошедших до нас классических «апокалипсисов», не считая позднейших подражаний (я ссылаюсь на Ренана потому, что его книга наиболее известна вне круга специалистов и легче всего доступна). Это было время, когда даже в Риме и Греции, но гораздо более в Малой Азии, Сирии и Египте, самое беспорядочное смешение грубейших суеверий различных народов принималось без всякой критики и дополнялось благочестивым обманом и прямым шарлатанством, когда чудеса, экстазы, видения, болтовня о духах, исследование будущего, делание золота, каббала и всякая мистическая чепуха играли первую роль. Такова была атмосфера, в которой возникло первоначальное христианство, и притом среди класса, который более всякого другого был восприимчив к этим фантазиям о сверхъестественных вещах. Недаром христианские гностики Египта во втором столетии христианского летосчисления, как, между прочим, доказывают лейденские папирусы,

усердно занимались алхимией и восприняли в свое учение алхимические представления. А халдейские и еврейские mathematici (математики), которые, по Тациту, дважды — при Клавдии и снова при Вителлии — изгонялись из Рима за магию, не занимались никакими другими геометрическими искусствами кроме тех, которые, как мы увидим, составляют ядро «Откровения Иоанна».

К этому прибавляется еще второе: все апокалипсисы присваивают себе право обманывать своих читателей. Они не только, как правило, написаны совсем другими авторами, жившими по большей части позднее так называемых составителей, например книга Даниила, книга Еноха, апокалипсисы Эздры, Баруха, Иуды и т. д., Сивиллины книги; но к тому еще они в своем основном содержании пророчествуют только о таких событиях, которые давно имели место и были в совершенстве известны действительному составителю. Так, составитель книги Даниила в 164 г., незадолго до смерти Антиоха Елифана, заставляет Даниила, живущего якобы во времена Навуходоносора, предсказать возвышение и падение персидского и македонского мирового господства и начало римского, чтобы этим доказательством своей пророческой мощи сделать читателя восприимчивым и к заключительному предсказанию о том, что народ Израиля преодолет все страдания и в конце-концов победит. Поэтому, если бы «Откровение Иоанна» действительно было произведением того лица, которому оно приписано, то оно являлось бы единственным исключением из всей апокалиптической литературы.

Иоанн, выдаваемый за автора, был во всяком случае очень уважаемым лицом у малоазиатских христиан. Об этом свидетельствует тон посланий к семи общинам. Итак возможно, что это — апостол Иоанн, чье историческое бытие, правда, отнюдь не достоверно, но все же очень вероятно. И если бы автором был действительно этот апостол, то наша точка зрения получила бы еще большую опору; это было бы наилучшим доказательством того, что христианство этой книги — действительно подлинное первоначальное христианство. Но между прочим надо отметить, что «Откровение» очевидно не принадлежит тому же автору, что евангелие и три приписываемые также Иоанну послания.

«Откровение» состоит из ряда видений. В первом появляется христос, одетый первосвященником, проходит между 7 светильниками, представляющими 7 азиатских общин, и диктует «Иоанну» «послания» к 7 «ангелам» этих общин. Здесь уже в самом начале резко выступает различие между *этим* христианством и формулированной Никейским собором Константиновской мировой религией. Троичность бога здесь не только неизвестна, но и невозможна. Вместо позднейшего одного святого духа мы здесь имеем «семь духов божьих», сконструированных раввинами (на основании Исаии, гл. XI, ст. 2). Христос является сыном божьим, первым и последним, альфой и омегой, но вовсе не самим богом или равным богу, а напротив — «началом твари божией», следовательно существовавшей вечно, но вторичной эманацией бога, подобно 7 упомянутым духам. В гл. 15, ст. 3 мученики на

небе поют «песнь Моисея, раба божья, и песнь агнца» для прославления бога. Таким образом, здесь христос выступает не только в качестве подчиненного богу, но даже в известном отношении поставленным на одну ступень с Моисеем. Христос распят в Иерусалиме (XI, 8), но воскрес (1, 5, 18); он «агнец», который принес себя в жертву за грехи мира, и бог кровью его искупил верующих всех племен и языков. Здесь мы встречаем основное воззрение, благодаря которому первоначальное христианство смогло развиться в мировую религию. В то время всем религиям семитов и европейцев было присуще представление, что оскорбленные поступками людей боги могут быть умиловлены жертвой; первая революционная (заимствованная у филоновской школы) основная идея христианства состояла в том, что одной великой добровольной жертвой посредника искуплены раз-навсегда грехи всех людей и всех времен — для верующих. Благодаря этому исчезла необходимость всяких дальнейших жертв, а следовательно и основание для множества религиозных обрядов; а освобождение от обрядов, затруднявших или запрещающих сношения с иноверцами, было первой предпосылкой мировой религии. Но несмотря на это, обычай жертвоприношения настолько глубоко вкоренился в народные нравы, что католицизм, вновь воспринявший так много языческого, счел нужным приспособиться к этому факту введением по крайней мере символического жертвоприношения в виде литургического причастия. Напротив, догмата первородного греха в нашей книге нет и в помине.

Но самое замечательное в этих посланиях, как и во всей книге, это то, что автору нигде и ни разу не приходит в голову назвать себя или своих товарищей по вере иначе, как евреями. Сектантов в Смирне и Филадельфии, на которых он обрушивается, он укоряет следующими словами: «Они говорят о себе, что они евреи, но это неправда, они — синагога сатаны»; о пергамских сектантах он говорит: «Они держатся учения Валаама, который научил Валака ввести в соблазн *детей Израиля*, чтобы они ели жертвенных животных и творили блуд». Мы имеем следовательно здесь дело не с сознательными христианами, но с людьми, выдающими себя за евреев; их еврейство конечно является новой ступенью в развитии более раннего, но — именно по этой причине — оно единственно истинное. Поэтому при появлении святых перед престолом Божиим сначала идут 144 тысячи евреев по 12 тысяч от каждого колена, и только потом бесчисленная масса язычников, обращенных в это обновленное еврейство. Так мало еще сознавал наш составитель в 69 г. христианского летоисчисления, что он — представитель совершенно новой фазы религиозного развития, которая должна была стать одним из самых революционных элементов в истории человеческого духа.

Итак мы видим, что христианство того времени, еще не сознавшее себя таковым, было, как небо от земли, далеко от позднейшей, закрепленной в догматах, мировой религии Никейского собора; в одном не узнаешь другого. Здесь нет ни догматики, ни этики позднейшего христианства, но зато здесь есть сознание,

что ведется борьба со всем светом и что эта борьба увенчается победой; есть боевой дух и уверенность в победе, целиком исчезнувшая у теперешних христиан и существующая в наше время лишь на другом общественном полюсе — у социалистов.

В самом деле, борьба с всеильным вначале миром и вместе с тем борьба новаторов между собой одинаково присуща как первым христианам, так и социалистам. Оба великие движения созданы не вождями и пророками — хотя оба насчитывают не мало пророков; они — массовые движения. А массовые движения вначале неизбежно носят сумбурный характер, потому что мышление массы движется сперва в противоречиях, неясностях, бессвязностях; сумбурны они также в силу роли, какую вначале еще играют в них пророки. Эта сумбурность проявляется в образовании многочисленных сект, борющихся между собой по меньшей мере с такой же страстностью, как и с общим врагом. Так было с первоначальным христианством, так было в первое время и с социалистическим движением, что очень огорчало благомыслящих и прямодушных людей, которые проповедывали единение там, где никакого единения быть не могло.

Объединен ли был Интернационал единой догмой? Отнюдь нет. Там были коммунисты с французской традицией эпохи до 48 года, и притом различных оттенков; коммунисты Вейтлинговской школы и другие — из возрожденного союза коммунистов; прудонисты, господствовавшие во Франции и Бельгии; бланкисты; германская рабочая партия; наконец анархисты-бакунисты, имевшие некоторое время перевес в Испании и Италии, — и это были только основные группы. С основания Интернационала должна была пройти целая четверть века, чтобы окончательно везде произошло отделение от анархистов и могло быть установлено единство по крайней мере в отношении самых общих экономических воззрений. И это при наших средствах сообщения, при железных дорогах, телеграфе, гигантских промышленных городах, прессе и организованных народных собраниях!

У первых христиан мы видим такой же раскол на бесчисленные секты, который как-раз породил дискуссии и тем самым создал позднейшее единство. Уже в этом нашем, без сомнения древнейшем, христианском памятнике мы находим этот раскол, и наш автор восстает против него с той же беспощадной страстностью, с какой он обрушивается на погрязший в грехах мир. Тут, во-первых, николаиты в Эфесе и Пергаме; далее — в Смирне и в Филадельфии — те, которые говорят, что они евреи, а на самом деле представляют собой синагогу сатаны; в Пергаме — приверженцы учения лжепророка, именуемого Валааомом; в Эфесе — те, которые считают себя апостолами, но не являются таковыми, наконец в Тиатире — приверженцы лжепророчицы, именуемой Иезавелью. Ближе мы этих сект не знаем, только о последователях Валаама и Иезавели говорится, что они ели жертвенных животных и творили блуд. Все эти пять сект пытались изобразить как Павловых христиан, а все эти послания как полемику,

направленную против Павла, лжеапостола, так называемого Валаама и «Николая». Сводку относящихся сюда весьма неубедительных доказательств можно найти у Ренана (Renan, «Saint-Paul», Paris, 1869, стр. 303—305, 367—370). Все эти доказательства сводятся к тому, что объясняют послания «Деяниями» апостолов и так называемыми посланиями Павла, т. е. произведениями, которые в их теперешнем виде написаны по крайней мере на 60 лет позже «Откровения», и потому все их относящиеся к данному предмету фактические данные не только крайне сомнительны, но даже целиком противоречат друг другу. Но решающее значение имеет то, что нашему автору не могло притти в голову называть одну и ту же секту пятью различными именами и даже для одного Эфеса — двумя (мнимые апостолы и николаиты), Пергама — тоже двумя (валаамиты и николаиты), каждый раз при этом различая секты. Впрочем нельзя отрицать вероятности того, что среди этих сект были также и такие элементы, которые в настоящее время могли бы быть названы Павловой сектой.

В обоих местах, где автор входит в подробности, он ставит в вину поедание жертвенных животных и блуд — два пункта, относительно которых евреи — как старые, так и христианские — постоянно спорили с обращенными в еврейство язычниками. Мясо языческих жертв не только подавалось на пирах, где отказаться от подносимого блюда было неприлично и даже могло стать рискованным, но даже продавалось на общественных рынках, где не всегда можно было узнать — кошерно оно или нет. Под блудом те же евреи понимали не только внебрачные половые сношения, но и запрещенный еврейским законом брак между родственниками известной степени, также между евреями и язычниками. Такой смысл обыкновенно приписывают изречению в 75 гл., ст. 20 и 29 «Деяний апостолов». Но наш Иоанн придерживается самостоятельных взглядов и на такие половые сношения, которые разрешены правоверным евреям. В 14 гл., 4 ст., он говорит о 144 000 евреях на небе: «Это те, которые не осквернились с женщинами, ибо они девственники». И в действительности на небе нашего Иоанна нет ни одной женщины. Он следовательно принадлежал к течению, часто представленному и в других памятниках первоначального христианства, которое вообще считало греховными половые сношения. И если к тому же мы примем во внимание, что он называет Рим великой блудницей, с которой грешат цари земли и пьянеют от вина ее блуда, и что купцы, по его мнению, богатеют от ее великого сладострастия, то мы не сможем принять слова посланий в том ограниченном смысле, который хотела бы придать им богословская апологетика, чтобы этим подтвердить другие места нового завета. Напротив, эти места посланий ясно указывают на общее всем эпохам, переживающим глубокие потрясения, явление, а именно — что тогда вместе с другими преградами расшатываются и традиционные узы половых сношений. В первые века христианства рядом с аскетизмом, умерщвляющим

плоть, довольно часто выступает также тенденция распространить христианскую свободу до более или менее неограниченных сношений между мужчиной и женщиной. То же явление имело место и в современном социалистическом движении. Какой невероятный ужас вызвало в 30-х гг. в Германии, в тогдашней «благочестивой детской», сенсимонистская *rehabilitation de la chair* (реабилитация плоти), по-немецки названная «восстановлением прав плоти». И более всего были возмущены те господствовавшие тогда благородные сословия (тогда у нас еще не было классов), которые не могли жить как в Берлине, так и в своих имениях, не восстанавливая постоянно прав своей плоти! Что если бы эти добрые люди знали Фурье, который для плоти проектировал и не такие вольности? С преодолением утопизма эти сумасбродства уступили место более рациональному и в действительности гораздо более радикальному пониманию; и с тех пор, как Германия из «благочестивой детской», как ее назвал Гейне, развилась в центральную область социалистического движения, можно лишь посмеяться над лицемерным возмущением благочестивых высоких господ.

Таково главное догматическое содержание посланий. Кроме того они побуждают товарищей к ревностной пропаганде, к смелому и гордому исповедыванию своей веры перед лицом противника, к неустанной борьбе с внутренними и внешними врагами, — и в известной мере они могли бы быть написаны каким нибудь пророчески настроенным энтузиастом из Интернационала.

3

Послания являются только вступлением к подлинной теме обращения нашего Иоанна к 7 малоазиатским общинам, а через них и к остальному реформированному иудейству 69 года, из которого позднее развилось христианство. Здесь мы вступаем в святую святых первоначального христианства.

Из каких людей рекрутировались первые христиане? Преимущественно из «удрученных и обремененных», принадлежавших к низшим слоям народа, как и подобает революционному элементу. Из кого же состояли последние? В городах — из разорившихся свободных — людей из всех слоев народа, подобных *mean whites*¹ южных рабовладельческих штатов или европейским бродягам и авантюристам колониальных и китайских портов, затем из вольноотпущенников и главным образом рабов; в латифундиях Италии, Сицилии и Африки и в сельских округах провинций — из мелких крестьян, все более и более попадавших в кабалу из-за долгов. Никакого общего пути к освобождению всех этих элементов не было. Для всех них утраченный ими рай лежал позади: для пришедших в упадок свободных это был «полис», одновременно город и государство, свободными гражданами которого были некогда их предки; для взятых на войне

¹ Белым из низших классов.

в плен рабов — свободная жизнь до порабощения и пленения; для мелких земледельцев — уничтоженный родовой строй и общность владения землей. Все это смел с лица земли все нивелирующий железный кулак римского завоевателя. Самыми крупными общественными коллективами, до которых доросла античность, были племя и союз родственных племен: у варваров организованные по родовым союзам, у греков и италиков — города, вмещавшие одно или несколько племен. Филипп и Александр придали эллинскому полуострову политическое единство, но, несмотря на это, единой греческой нации не создалось. Нации стали возможны только благодаря падению римского мирового господства. Это последнее раз-навсегда положило конец мелким союзам; военная сила, римская судебная власть, податный аппарат окончательно разложили внутреннюю традиционную организацию. К потере независимости и своеобразной организации прибавился грубый грабёж со стороны военных и гражданских властей, которые сперва отнимали у покоренных их сокровища, а потом давали им их опять взаймы за ростовщические проценты, чтобы тем дать им возможность выплачивать новые поборы. Налоговое бремя и проистекающая из него нужда в деньгах в местностях чистого или преобладающего натурального хозяйства все глубже ввергали крестьян в кабальную зависимость от ростовщиков, порождали крупные имущественные различия, обогащали богатых, доводили до полной нищеты бедных. Всякое сопротивление отдельных мелких племен и городов гигантской римской мировой державе было безнадежно. Где же был выход, где спасение для порабощенных, угнетенных и обнищавших — выход, общий для всех этих различных групп людей с чуждыми или даже противоположными друг другу интересами? И все же такой выход, который охватил бы всех их в одном великом революционном движении, должен был быть найден.

И такой выход нашёлся, но не в этом мире. При тогдашнем положении вещей он мог быть лишь религиозным. И вот открылся другой мир. Дальнейшее существование души после смерти тела стало понемногу в римском мире общепринятым символом веры. Точно так же все больше и больше распространялась вера в то, что умершие души ждет награда или кара за совершенное ими на земле. Впрочем награда представлялась довольно сомнительной: античность была слишком стихийно материалистична, чтобы не ценить бесконечно выше царства теней земную жизнь; греки считали загробную жизнь скорее несчастьем. И вот явилось христианство, серьёзно отнеслось к награде и каре на том свете, создало небо и ад, и таким образом нашёлся выход, который выводил удрученных и обремененных из этой земной юдоли в вечный рай. И в самом деле, только обещанием награды в потустороннем мире можно было возвысить отречение от мира и аскетизм стойко-филоновского учения до этического принципа новой мировой религии, способной увлечь угнетенные народные массы.

Но этот небесный рай не открывается для верующих прямо со смертью. Мы увидим, что царство божие, столица которого —

Новый Иерусалим, завоевывается и обретается только после ожесточенной борьбы с силами ада. Но в представлении первых христиан эта борьба не за горами. Наш Иоанн в самом начале характеризует свою книгу как откровение того, «чему надлежит быть *скоро*»; вслед за этим, в 3-м стихе, он называет «блаженным того, кто читает и внемлет слова пророчества, ибо время *близко*»; христос велит написать общине в Филадельфию: «Смотри, се гряду *скоро*»; а в последней главе ангел говорит, что он указал Иоанну то, «что *скоро* должно произойти», и повелевает ему: «Не запечатывай слов пророчества книги сей, ибо время *близко*», а сам христос говорит дважды (ст. 12 и ст. 20): «Приду *скоро*». Дальше мы увидим, в какой мере скоро ожидалось это пришествие.

Апокалиптические видения, которые раскрывает перед нами автор, без исключения все и, по большей части, буквально заимствованы у более ранних образцов: частью у классических пророков ветхого завета, особенно у Иезекииля, частью у позднейших, по образцу книги Даниила составленных еврейских апокалипсисов, в особенности книги Еноха, тогда уже—по крайней мере частично — написанной. Критика детально установила, откуда наш Иоанн заимствовал каждую картину, каждое угрожающее предзнаменование, каждое бедствие, ниспосланное неверующему человечеству, — словом весь материал своей книги; таким образом он не только обнаружил свою чрезвычайную бездарность, но и представил доказательство того, что он даже в воображении не пережил своих мнимых восторгов и видений так, как он их описал.

Последовательность этих видений вкратце такова: сначала Иоанн видит бога, сидящего на своем престоле с книгой, запечатанной 7 печатями, в руках, а перед ним закланного, но опять ожившего агнца (христа), который признан достойным снять печати. При снятии их происходят различные устрашающие чудесные предзнаменования. При снятии пятой печати Иоанн под алтарем бога видит души христианских мучеников, «убиенных за слово божие», и они громко кричали: «Доколе, владыка святой, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?» После этого им дают белые одежды и уговаривают подождать еще немного, так как нужно, чтобы было убито еще больше мучеников. Итак здесь нет ни слова о «религии любви», которая учит: «Любите своих врагов, благословляйте ненавидящих вас» и т. д. Здесь проповедуется неприкрытая здоровая и честная месть преследователям христиан. Итак во всей книге. Чем ближе подходит кризис, чем чаще бедствия и наказания неба, тем с большей радостью наш Иоанн заявляет, что огромная масса людей все еще не хочет покаяться в своих грехах, что должны свистеть еще новые бичи божии, что христос будет пасти их жезлом железным и топтать «точилом вина ярости и гнева бога вседержителя», но что безбожники все-таки будут продолжать упорствовать в сердцах своих. Это — естественное, свободное от всякого лицемерия чувство человека, находящегося в гуще боя, что

а la guerre comme à la guerre ¹. При снятии седьмой печати, появляются 7 ангелов с трубами; каждый раз, как один из них вострубит, появляются новые страшные знамения. После седьмого трубного возгласа выходят на сцену новые 7 ангелов с 7 чашами гнева божьего, которые изливаются на землю; и опять новые бедствия и кары, по большей части в главных чертах старательное повторение уже много раз бывшего. Потом появляется женщина — Вавилон, великая блудница, сидящая на водах в алой одежде и пьяная от крови святых и мучеников Иисусовых. Это — великий город о семи холмах, господствующий над всеми царями земли. Она сидит на звере с 7 головами и 10 рогами. 7 голов представляют 7 холмов, а также 7 «царей». Из этих царей пятеро погибло, один живет, а седьмой еще придет, а после него еще придет один из первых пяти, смертельно раненый, но вновь исцеленный. Последний будет царствовать на земле 42 месяца или 3½ года (половину годовой недели в 7 лет), будет на смерть преследовать верующих и приведет к господству безбожие. Но затем последует великая решительная битва; святые и мученики будут отомщены разрушением великой блудницы Вавилона и всех ее приверженцев, т. е. громадной массы людей: дьявол будет ввергнут в пропасть и там заключен, и тогда откроется тысячелетнее царство, в течение которого христос воцарится вместе с воскресшими от смерти мучениками. Но по истечении 1 000 лет опять дьявол освободится, и будет новое великое сражение духов, в котором он будет окончательно побежден. Тогда произойдет новое воскресение мертвых, которые предстанут перед судилищем бога (заметьте бога, а не Христа!), и верующие вступят в новое небо, на новую землю, в новый Иерусалим для жизни вечной.

Все это построено исключительно из еврейско-дохристианского материала и потому дает почти только чисто еврейские представления. С тех пор, как для еврейского народа наступили тяжелые времена — начиная с дани ассирийцам и вавилонянам, с разрушения обоих царств — Израиля и Иудей, и кончая селевкидским порабощением, следовательно от Исаии до Даниила, — всякий раз во время бедствия предвещается спаситель. Уже у Даниила, гл. XII, ст. 1—3, мы находим предсказание о сошествии Михаила, ангела-хранителя евреев, который спасет их от великой беды: многие мертвые воскреснут, произойдет как бы страшный суд, и учителя, наставлявшие народ на путь благочестия, станут вечно сиять, как звезды. В «Откровении» христианский характер носит только ясное указание на скорое наступление царства Христа и на славу воскресших верующих, главным образом мучеников.

Объяснением этого предсказания, поскольку оно относится к событиям того времени, мы обязаны немецкой критике, особенно Эвальду, Люкке и Фердинанду Бенари. Благодаря Ренану это объяснение стало доступно также и небогословским кругам.

¹ На войне, как на войне.

Что касается великой блудницы Вавилона, то мы уже видели, что она обозначает Рим — город на 7 холмах. О звере, на котором она сидит (17 гл., ст. 9—11), сказано следующее: «7 голов (зверя) суть 7 гор, на которых сидит женщина, и 7 царей, из которых 5 пали, один есть, а другой еще не пришел, и когда придет, не долго ему быть. И зверь, который был и которого нет, есть восьмой, и он из числа 7 и пойдет в погибель».

Здесь зверь означает римское мировое владычество, представляемое 7 императорами, следующими один за другим, из которых один был смертельно ранен и больше не царствует, но исцеляется и возвращается, чтобы в качестве восьмого осуществить царство святотатства и непослушания богу. «И дано ему вести войну со святыми и победить их, и поклонятся ему все живущие на земле, имена которых не написаны в книге жизни у агнца»... «всем, великим и малым, и богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их»... и «никому нельзя будет ни покупать, ни продавать кроме тех, кто имеет это начертание или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое. Число его 666» (гл. 13, 7—18 ст.).

Мы только устанавливаем, что здесь таким образом упоминается бойкот как одно из средств, применявшихся по отношению к христианам со стороны римской мировой державы, — по мнению христиан, явное измышление дьявола — и перейдем теперь к вопросу, кто этот римский император, который уже раз господствовал, был смертельно ранен и исчез, но вернется как восьмой по порядку и будет играть роль антихриста.

Считая Августа первым по порядку императором, вторым мы будем иметь Тиверия, третьим — Калигулу, четвертым — Клавдия, пятым — Нерона, а шестым — Гальбу. «Пять пали — один есть», т. е. Нерон уже пал, а Гальба царствует. Гальба занимал престол с 9 июня 68 г. до 15 января 69 г. Но вскоре после его восшествия на престол возмутились рейнские легионы под начальством Вителлия, в то время как в других провинциях готовились военные бунты другие полководцы. В самом Риме возмутились преторианцы, убили Гальбу и провозгласили императором Оттона.

Из этого можно заключить, что наше «Откровение» было написано в царствование Гальбы, вероятно в конце его правления, или позднее, во время трехмесячного (до 15 апреля 69 г.) правления Оттона, «седьмого». Но кто же был восьмым, «который был и которого нет»? Это выясняет число 666.

У семитов — халдеев и евреев — было тогда в употреблении магическое искусство, которое ссылавалось на двойном значении букв. Приблизительно за 300 лет до нашего летосчисления еврейские буквы употреблялись также в качестве чисел: а=1, b=2; g=3; d=4, и т. д. Каббалистические предсказатели складывали общую сумму цифр букв одного имени и по этой сумме пытались пророчествовать; например составляли слова и соеди-

нения слов одной и той же числовой величины и вывели будущего носителя данного имени. На таком же языке чисел выражались тайные слова и т. д. Это искусство называли греческим словом gematria, гематрия. Халдеи, которые этим усердно занимались и были прозваны Тацитом mathematici, в царствование Клавдия и вторично при Вителлии были изгнаны из Рима, вероятно за «грубое бесчинство».

Число 666 возникло посредством такой вот математики. Это число скрывает имя одного из первых пяти римских императоров. Но Ириней, в конце второго столетия, кроме числа 666 знал вариант 616, появившийся в то время, когда во всяком случае многим еще была известна числовая загадка. Если решение ее равно подойдет к обоим этим числам, то, значит, оно правильно.

Это решение дано Фердинандом Бенари в Берлине. Имя это — Нерон. Число основано на כסר קסר (Neron Kesar), подтверждаемое талмудом и палмырскими надписями, транскрипцией греческого написания Neron Kaisar — «император Нерон», которое в качестве надписи было выбито на нероновских монетах в восточной половине государства. Именно n (nun)=50; r (resch)=200, w (waw) вместо «о»=6; n (nun)=50; k (kaph)=100; s (samach)=60; r (resch)=200, в итоге=666. Если же мы примем в основание латинское правописание Nero Coesar, то выпадает второе n (nun)=50, и мы получаем 666—50=616—вариант Иринея.

Действительно, при Гальбе всю Римскую империю охватила внезапная смута. Сам Гальба шел на Рим во главе испанских и галльских легионов, чтобы свергнуть Нерона; последний бежал и приказал убить себя одному вольноотпущеннику. Но против Гальбы конспировали не только преторианцы в Риме, но и военачальники в провинциях; везде появлялись новые претенденты на трон и готовились идти со своими легионами на столицу. Империя, казалось, была предоставлена внутренней войне, и наступала как-будто ее гибель. Ко всему этому как-раз на Востоке распространился слух, что Нерон не умер, а только ранен, бежал к парфянам и вернется с войсками из-за Евфрата, чтобы начать новое, еще более кровавое и страшное правление. Ахавя и Азия особенно были напуганы этими известиями, и как-раз около того времени, когда вероятно написано было «Откровение», всплыл на поверхность лже-Нерон, который с довольно многочисленными приверженцами поселился поблизости Патмоса и Малой Азии, на острове Китносе в Эгейском море (на нынешней Тернии), пока при Оттоне он не был убит. Что удивительного, что среди христиан, на которых Нерон воздвиг первое серьезное гонение, распространился взгляд, что он вернется в качестве антихриста и что возвращение его и неизбежно связанная с ним решительная попытка к кровавому истреблению новой секты — что все это является предзнаменованием и прологом к возвращению Христа, к великой победоносной битве с силами ада, к скорому пришествию тысячелетнего царства, уверенное ожидание которого позволяло мученикам радостно идти на смерть?

Христианская и находящаяся под влиянием христианства литература первых двух столетий дает достаточно указаний на то, что тайна числа 666 была тогда известна многим. Во всяком случае Ириней, как и другие люди конца III ст., знал, что под апокалиптическим зверем подразумевается вернувшийся на престол Нерон. Впоследствии значение этого числа утерялось, и наше произведение подверглось фантастическим толкованиям правоверных прорицателей будущего. Я сам, будучи еще ребенком, знал стариков, ожидавших конца мира и страшного суда, согласно пророчеству старого Иоанна Альбрехта Бенгеля, в 1836 г. Пророчество сбылось, и как-раз в указанном году. Только страшный суд разразился не над грешным миром, а над самими благочестивыми толкователями «Откровения». Именно — в 1836 г. г. Бенари нашел ключ к числу 666 и тем положил конец всяким пророческим вычислениям, всей этой новой *gematria*.

Относительно небесного царства, ожидающего верующих, наш Иоанн может дать только очень внешнее описание. Новый Иерусалим довольно велик, по крайней мере по понятиям того времени. Он занимает квадрат, длина стороны которого равняется около 12 тысяч стадий = 2 227 км. Следовательно поверхность его приблизительно на 5 миллионов км больше половины Соединенных американских штатов. Он построен из чистого золота и драгоценных камней. Там живет бог среди тех, кто верен ему, светит им вместо солнца, и нет там никаких смертей, скорбей и страданий; поток животворной воды протекает через город, и на берегах его растут деревья жизни с плодами 12 сортов, каждый месяц созревающими вновь. Листья «служат к здоровью народов». По мнению Ренана, это — вид лечебного чая (см. *L'Antechrist*, p. 542). Там вечно живут святые.

Таково было христианство в Малой Азии, главной его резиденции, около 68 г., насколько оно нам известно. Никакого следа троичности бога — наоборот, старый единый и неделимый Иегова позднейшего еврейства, развившийся из еврейского национального божества в единосущного владыку неба и земли, где он господствует над всеми народами, обещает милость обращенным и поражает безжалостно непокорных, верный античному: *pacere subiectis et debellare superbos*¹. Поэтому бог этот сам восседает на суде в последний день мира, а не христос, как изображают это позднейшие евангелия и послания. Согласно персидскому учению об эманации, усвоенному позднейшим еврейством, христос-агнец изначально происходит от бога, но от него же — на более низкой ступени — происходят и «7 духов божьих», обязанные своим существованием ложному истолкованию одного из поэтических образов Исаии (гл. XI, ст. 2); все они — не боги, не равны, а подчинены ему. Агнец добровольно несет искупительную жертву за грехи мира и за это получает на небе крупное повышение; поэтому его добровольная смерть в качестве жертвы почитается во всей книге исключительным подвигом, а не чем-то

¹ «Щадить покорных и воевать с надменными».

вытекающим с необходимостью из его глубочайшего существа. Само собою разумеется, что налицо и весь небесный придворный штат: старцы, херувимы, ангелы и святые. Монотеизм, чтобы стать религией, должен был с самого начала делать уступки политеизму, начиная от Зендавесты. У евреев хроническое отпадение к языческим чувственным богам продолжается до изгнания, когда наконец небесный придворный штат, по образцу персидского, несколько более приспособляет религию к народной фантазии. Даже христианство, заменившее вечно равного себе, неподвижного еврейского бога внутренне дифференцированным таинственным триединым божеством, смогло вытеснить у народных масс культ старых богов только посредством культа святых: так, по словам Фальмерайера, культ Юпитера исчез на Пелопоннесе — в Майне, в Аркадии, — лишь около IX ст. («Geschichte des Halbinsel Morea»). Только современная буржуазная эпоха с ее протестантизмом снова устраняет святых и принимает наконец всерьез идею дифференцированного монотеизма.

Столь же мало знает наше произведение об учении о первоначальном грехе и оправдании верой. Вера этих первых воинствующих общин совсем не похожа на веру позднейшей торжествующей церкви. Наряду с искупительной жертвой агнца ее основным содержанием являются близкое пришествие Христа и грядущее тысячелетнее царство, и вера эта проявляется в деятельной пропаганде, в неустанной борьбе с внутренними и внешними врагами, в гордом и отважном признании перед языческими судьями своей революционности, в готовности принять ради конечной победы мученическую смерть.

Мы видели, что наш автор совсем еще не знает, что он нечто иное, чем еврей. Поэтому во всей книге нет ни слова о крещении; и много других данных убеждают нас в том, что крещение является институтом второго христианского периода. 144 тысячи евреев были «запечатлены», а не крещены. О святых на небе и верующих на земле говорится, что они смыли с себя грехи и свои белые одежды очистили кровью агнца; о святой купели нет и речи. Оба пророка, предшествующие появлению Антихриста (гл. XI), тоже не крещены, и по словам гл. 19, ст. 10, знамение Иисуса — не крещение, а дух пророчества. При всех этих поводах естественно было бы упомянуть о крещении, если бы оно уже тогда применялось. Поэтому мы можем заключить почти с абсолютной достоверностью, что автор крещения не знал и что оно появилось лишь тогда, когда христиане окончательно отделились от евреев.

Столь же мало знает автор о втором, более позднем таинстве — причащения. Если в Лютеровом тексте Христос обещает каждому твердому в вере тиатирцу прийти к нему и совершить с ним тайную вечерю, то это лишь вводит в заблуждение. В греческом тексте стоит *deipnago* — я отужинаю (с ним), что английская Библия совершенно верно передает словами: «I shall sup with him». О тайной вечери даже как о простой поминальной трапезе здесь абсолютно нет и речи.

Что наша книга с ее столь необычайно достоверной датой 68 г. или 69 г. является самой старой из всей христианской литературы, в этом не может быть сомнения. Нет ни одной другой книги, которая была бы написана таким варварским языком, кишащим гебраизмами, невозможными конструкциями и грамматическими ошибками. Так, в гл. 1, ст. 4, сказано буквально следующее: «Благодать вам и мир от сущий, который был и который грядущий». Что евангелия и «Деяния апостолов» — позднейшие обработки теперь утерянных произведений, слабое историческое ядро которых в настоящее время с трудом можно узнать под легендарным покровом, что даже два так называемых «подлинных» (по Бруно Бауэру) послания являются или более поздними произведениями или в лучшем случае измененной вставками и добавлениями переделкой старых произведений неизвестных авторов, — это в настоящее время отрицается только богословами по профессии или другими заинтересованными историками. Тем большее значение имеет то, что в «Откровении» мы имеем книгу, время написания которой установлено с точностью до немногих месяцев, книгу, изображающую нам христианство в его самой неразвитой форме, в которой оно так же относится к государственной религии IV в. (с ее разработанной догматикой и мифологией), как не определившаяся еще мифология германцев времен Тацита относится к учению о боге в Эдде, образовавшемуся под влиянием христианских и античных элементов. В этой книге есть конечно зародыш мировой религии, но зародыш этот еще заключает в себе все те тысячи возможностей развития, которые потом осуществились в бесчисленных позднейших сектах. И именно потому этот древнейший памятник из эпохи процесса становления христианства для нас особенно важен, что он дает нам в чистой форме то, что еврейство — под сильным александрийским влиянием — внесло в христианство. Все позднейшее является западной, греко-римской примесью. Только при посредстве монотеистической еврейской религии просвещенный монотеизм позднейшей греческой светской философии мог принять ту религиозную форму, в которой он был в силах увлечь массы. Но после того, как это посредничество состоялось, монотеизм этот мог стать мировой религией только в греко-римском мире, путем дальнейшего развития идей завоеванного им мира и путем слияния с ними.

ОБЪЯСНЕНИЕ ТРУДНЫХ СЛОВ И ИМЕН

Бауэр, Бруно (1809—1882) — немецкий философ-идеалист (левый гегельянец) и общественный деятель. Мироззрение его подвергнуто уничтожающей критике в знаменитой работе Маркса-Энгельса «Святое семейство». Бауэр внес ценный вклад в науку своей критикой библии и исследованиями по истории раннего христианства, доказавшими полную недостоверность «нового завета» как исторического источника, мифичность евангельского Иисуса и синкретический (составной, смешанный из разных течений и заимствований) характер раннего христианства. Основные работы Бауэра в этой области: «Критика евангельской истории Иоанна» (1840). «Критика евангельской истории синоптиков» (1841—1842); «Критика Деяний апостолов» (1850); «Критика Павловых посланий» (1852); «Филон, Штраус, Ренан и раннее христианство» (1874); «Христос и цезари» (1877).

Ренан, Эрнест (1823—1892) — французский либеральный богослов, историк и философ, в свое время приобретший шумную известность книгой, «Жизнь Иисуса», где он пытался путем рационалистического истолкования «нового завета» построить биографию Иисуса как исторической личности. Научное значение ее ничтожно: это слащавый роман, а не историческое исследование.

Константин (306—337) — римский император, перенесший столицу из Рима в город Византию (переименованную в его честь в Константинополь), опиравшийся в своей борьбе за власть на христиан, которым он оказывал всяческую поддержку (миланский эдикт о веротерпимости 312 г., созыв первого вселенского собора в Никее), хотя сам он не порвал с язычеством (рассказы историков церкви о его крещении являются вымыслом).

Вильке, Христиан Готтлиб (1786—1854) — немецкий богослов, исследователь новозаветных текстов.

Штраус, Давид Фридрих (1808—1874) — немецкий философ, начавший свою деятельность в качестве богослова, пришедший к буржуазному атеизму, ярый противник социализма. В своей главной работе «Жизнь Иисуса» вскрыл мифический характер евангельских рассказов.

Стоико-филоновские теории — смесь идей стоической философии и учения Филона. Стоики — последователи философской школы, основанной в Афинах около 300 г. до х. э. Зеноном, учившим в портике Стоа. В центре стоицизма стояли вопросы этики, личного самосовершенствования. Стоицизм с его проповедью аскетизма, освобождения от страстей и гнета внешних вещей, погружения в себя и т. д. явился таким же продуктом упадка рабовладельческого общества, как и раннее христианство. Филон — фило-

соф и религиозный мыслитель 1 в., проповедывавший в Александрии, центре эллинистической образованности, соединявший в своем учении идеи стоицизма с защитой иудейства.

Август, Кай Юлий Цезарь Октавиан (63 г. до х. э.—14 г.) — римский император, царствование которого было временами расцвета внешнего могущества Римской империи и самого Рима, высасывавшего соки огромного колониального государства.

Сенека, Луций Анней (3—65) — древнеримский писатель и философ, один из наиболее выдающихся стоиков, бывший долгое время в близких отношениях с императором Нероном в качестве его воспитателя и советника.

Петроний, Арбитр (1 в. х. э.) — римский писатель, которому приписывается дошедший до нас в отрывках роман «Сатирикон», дающий ряд описаний древнеримского быта в эпоху Нерона.

Тиберий (14—37) — второй римский император, преемник Августа.

Нерон (54—68) — римский император, с именем которого связано множество актов самой разнузданной жестокости, свирепого самодурства, безжалостного угнетения колоний.

Ландскнехты — наемные солдаты в немецкой пехоте с XV до XVII в.

Спартак — вождь грандиозного восстания римских рабов в 1 в. После двухлетней борьбы убит в 71 г.

Персий (34—62) — древнеримский сатирический поэт, высмеивавший современный ему быт господствующих классов.

Эпикур (341—270 до х. э.) — древнегреческий философ-материалист, отрицавший существование сверхъестественных сил, потустороннего мира и бессмертия души, развивший атомистическое учение величайшего греческого материалиста Демокрита. Школа, основанная Эпикуром (в Афинах) и просуществовавшая около 600 лет, неизменно служила рассадником атеистических идей и настроений. Под словом «эпикурец» часто неверно разумеют человека, стремящегося к удовольствиям и физическим наслаждениям, а между тем Эпикур учил, что высшее счастье дается пониманием природы и освобождением от страха смерти. Наиболее ярким литературным выражением эпикуреизма является поэма Лукреция Кара «О природе вещей».

Mea culpa (моя вина) — покаянная формула христиан, выражающая униженное сознание вины перед богом.

Менгер, Антон (1841—1906) — австрийский профессор-юрист, мелкобуржуазный социалист, строивший утопические проекты преобразования капиталистического строя чисто юридическим путем.

Табориты (от города Табора, в Чехии) — революционное (крестьянское и полупролетарское по социальному составу) крыло в социально-политическом и религиозном движении гуситов (приверженцев Яна Гуса, религиозного реформатора) в Чехии (в первой половине XV в.). Табориты выступали с лозунгами религиозно-коммунистического характера, с требованиями восстановления раннехристианского общинного строя, представлявшегося им коммунистическим.

После упорной борьбы они были разгромлены буржуазно-дворянской партией гуситов, так называемыми калликстинцами (чашниками).

Жижка, Ян (1360—1424) — военный вождь таборитов (с 1420 г.), ведший борьбу за национальное освобождение Чехии, представлявший

собой правую фракцию таборитизма и примиренчески относившийся к чапникам.

Вейтлинг, Вильгельм (1808—1871) — один из виднейших представителей домарковского коммунизма в Германии, по профессии портной. В главном своем сочинении («Евангелие бедного грешника», 1843 г.) изобразил Христа как провозвестника коммунизма. Он до конца дней своих (умер эмигрантом в Америке) остался утопическим социалистом, оказавшимся не в состоянии усвоить марксистское учение.

Тантал — по древнегреческому мифу — фригийский царь, сын Зевса, осужденный за угощение богов мясом собственного сына вечно томиться голодом и жаждой (яства и питье, находящиеся пред его глазами, уходят от него, как только он начинает тянуться к ним: отсюда «муки Тантала»).

Лукиан Самосатский (125—200) — древнегреческий сатирический писатель, родившийся в Самосате (в Малой Азии). В своих сочинениях (их всего около 60) он остроумно высмеивает веру в богов, разоблачает всякие суеверия и религиозное шарлатанство.

Ламенне, Фелиситэ (1782—1854) — французский богослов, пытавшийся «подчистить» католицизм, приспособить его к современности, примирить с социализмом (главное сочинение «Слова верующего»), отлученный за «ересь» от церкви.

Антививисекционисты — противники вивисекции, т. е. опытов над животными, требующих рассечения, вскрытия живого организма.

Флави — знатный род в Риме, к которому принадлежали императоры Веспасиан, Тит и Домициан (1 в.).

Адриан (76—138) — римский император, которому пришлось вести упорную борьбу с варварами.

Антонин (86—161) — римский император, восхваляемый римскими историками за мудрость и благочестие.

Марк Аврелий (121—181) — римский император (161—181), писатель и философ-стоик.

Коммодианова песнь — сочинение, принадлежащее перу Коммодиана, христианского поэта III в., выступавшего против язычников.

Тацит, Корнелий (55—120) — древнеримский историк, сочинения которого («Анналы», «Германия» и др.) являются весьма ценными историческими источниками, хотя они и не свободны от позднейших интерполяций (вставок).

Никейский собор — первый вселенский собор, созданный императором Константином в Никее (325 г.), выработавший христианский символ форм и основы организации церкви, ее тактики в борьбе за господство.

Латифундии — крупные древнеримские поместья, применявшие рабский труд.

Сенсимонисты — последователи французского утопического социалиста Клода Анри де-Сен-Симона (1760—1825), учение которого носило ярко выраженную религиозную окраску.

Фурье, Шарль (1772—1837) — французский социалист-утопист (главные труды: «Теория четырех движений», «Новый мир», «Всеобщее единство»).

Филипп и Александр, отец и сын — цари Македонии. Александр (356—323), завоевав и объединив в течение 13 лет своего царствования Элладу,

Персию, Египет и т. д., создал огромную империю, которая распалась после его смерти на отдельные государства.

Селевкиды — династия сирийских царей (312—64 до х. э.), названная по имени Селевка 1 Никатора, одного из полководцев Александра Македонского.

Иринеи (2-я пол. II в.) — епископ лионский, автор «Трактата против ересей» и других произведений, защищающих христианство.

Зендавеста — «священное писание» маздеизма, древнеиранской религии, в основе которой лежит учение о борьбе доброго начала (Агура-Мазды или Ормузда (со злым) Ангро-Майнью или Ариманом). Основание этой религии приписывалось мифическому учителю — Заратуштре или Зароастру.

Эдда — название двух сборников древнескандинавских мифов и легенд в средневековой обработке (XI и XIII вв.).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Т. Луначевский. Маркс и Энгельс о первоначальном христианстве</i>	3
Бруно Бауэр и раннее христианство (1882)	15
Из истории первоначального христианства (1895)	23
Объяснение трудных слов и имен	43

Редактор А. Т. Луначевский. Технический редактор П. Кузьякин. Уполномоченный Главлита № 24403. Сдано в производство 28/IX 1932 г. Подписано к печати 10/II 1933 г. Формат бумаги 62×94 ¹/₁₆. Ш. л. 3. Зп. в печ. л. 45600. Тираж 45 000. Огн. № 125 Б 3. Заказ 74.

1-я типография Огиза РСФСР «Образцовая». Москва, Саловая, 23.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

Цена 75 к.
Переплет 35 к.

КНИГООБЪЕДИНЕНИЕ

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

Дулов, В., Недельский, В., Покровский, А. — Происхождение христианства. „Прибой“ 1931. Стр. 64. Ц. 25 к.

Ранович, А. — Происхождение христианского культа святых. „Моск. Рабоч.“ 1931. Стр. 56. Ц. 35 к.

Ранович, А. — Происхождение христианских таинств. „Моск. Рабоч.“ 1931. Стр. 216. Ц. 1 р. 20 к.

Робертсон, Д. — Первоначальное христианство. Перевод с английского А. Рановича с предисловием от редакции „Атеист“. 1931. Стр. 168. Ц. 90 к.

Урсынович, С. Л. — Очерки по истории превращения христианства в господствующую религию. „Моск. Рабоч.“ 1931. Стр. 100. Ц. 1 р.

Продажа во всех магазинах Книгообъединения. Почтовые заказы направлять по адресу: Москва, 64, „Книга-почтой“. Книги высылаются только наложенным платежом (без задатка).